М. Я.

ВЪ ЧОРТОВОЙ БАШНѢ.

Впечатлѣнія и переживанія плѣннаго русскаго чиновника въ Вѣнѣ, преданнаго въ началѣ войны австрійскому военному суду.

ПЕТРОГРАДЪ.
Издательство „Библіотека Великой Войны".
1915.

Тип. Петр. Т-ва Печ. и Изд. дѣла «Трудъ». Кавалергардская, 40.

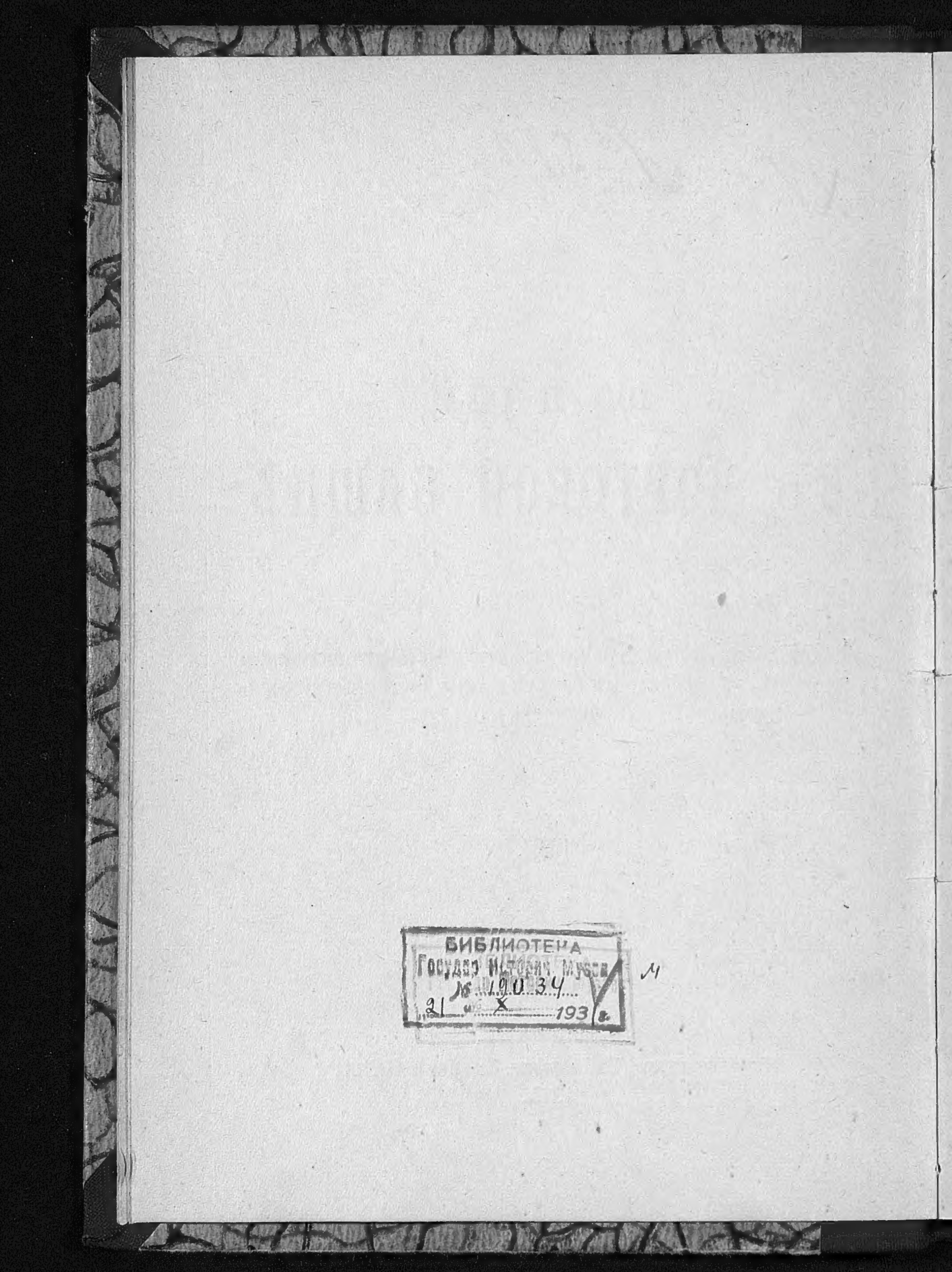
М. Я.

190 ДНЕЙ
ВЪ ЧОРТОВОЙ БАШНѢ.

Впечатлѣнія и переживанія плѣннаго русскаго чиновника въ Вѣнѣ, преданнаго въ началѣ войны австрійскому военному суду.

ПЕТРОГРАДЪ.
Издательство „Библіотека Великой Войны".
1915.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I.

Какъ я попалъ въ башню.

Исполняя желаніе моихъ петроградскихъ друзей, я рѣшаюсь разсказать о томъ, что мнѣ не такъ-то давно довелось испытать въ стѣнахъ австрійской военной тюрьмы. Предполагаю, что разсказъ мой можетъ въ переживаемое нами теперь время представить интересъ не только для лицъ, мнѣ близкихъ, но и для болѣе широкихъ круговъ русскаго общества.

Непріятное приключеніе, случившееся со мною въ Вѣнѣ 1-го августа прошлаго— 1914 года (считая, конечно, по русскому стилю) и продолжавшееся вплоть до 12-го февраля текущаго года, т. е., почти двѣсти дней, было такого рода. Я живу въ Вѣнѣ ужъ 12 лѣтъ. Состою я тамъ на русской государственной службѣ и занимаю должность нештатнаго секретаря нашего Генеральнаго Консульства. При выѣздѣ изъ Вѣны въ концѣ іюля прошлаго года членовъ нашего Посольства и Генеральнаго Кон-

сульства, было опасеніе, что всѣ они застрянутъ въ Швейцаріи и тамъ должны будутъ выжидать окончанія войны. Я заявилъ въ Посольствѣ о своемъ желаніи остаться въ Вѣнѣ, гдѣ я могъ бы продолжать занятія въ Консульствѣ, переходившемъ въ вѣдѣніе Испанскаго Посольства. Настроеніе духа было тогда приподнятое; самимъ собою какъ-то мало дорожилъ и даже хотѣлось какъ-нибудь собою жертвовать. На просьбу свою получилъ я соизволеніе Императорскаго Посла, за что ему былъ и всегда буду искренно признателенъ. Хотя одинъ вѣнскій адвокатъ—юрисконсультъ нашего Посольства и Генеральнаго Консульства—и увѣрялъ меня, что во время войны никто въ Вѣнѣ меня пальцемъ не тронетъ, однако же сознаніе риска было у меня ясное. И когда я проводилъ поѣздъ, увозившій изъ Австріи Посла со всѣмъ нашимъ дипломатическимъ и консульскимъ штатомъ, то сразу-же почувствовалъ себя среди вѣнцевъ, можно сказать, какъ овечка въ стаѣ волковъ.

Занятія въ Генеральномъ Консульствѣ пошли своимъ чередомъ, съ тою только разницею, что во главѣ Консульства стояло лицо, не говорившее по-русски,—именно, совѣтникъ Испанскаго Посольства де-Агуэра. Народу являлось въ Кон-

сульство за помощью, для размѣна потерявшихъ тогда свою цѣну русскихъ денегъ на австрійскія и за справками ежедневно человѣкъ около 50.

Но вотъ изъ газетъ я узнаю, что въ Петроградѣ разгромлено зданіе Германскаго Посольства. На другой день де-Агуэра сообщаетъ мнѣ, что австрійское Министерство Иностранныхъ Дѣлъ не довольно отношеніемъ русскихъ властей къ австрійскимъ чиновникамъ, оставшимся въ Россіи. Почва подъ моими ногами сильно заколебалась. Наконецъ, 1-го августа прочелъ я въ вѣнскихъ газетахъ императорскій указъ, которымъ снималась личная неприкосновенность со всѣхъ чиновниковъ Россійскихъ Консульствъ, находящихся въ Австріи.

— Ну,—подумалъ я,—это ужъ мнѣ не въ бровь, а прямо въ глазъ.

Въ тотъ же вечеръ на мою квартиру явились двое полицейскихъ, одѣтыхъ въ штатское платье, и, увѣряя меня, что мнѣ ничего дурного не сдѣлаютъ, что все будетъ хорошо, прекрасно,— отвезли меня въ полицейскую тюрьму. Здѣсь, въ одиночномъ заключеніи оставался я 6 дней.

Изъ этой тюрьмы меня раза два-три водили въ главное полицейское управленіе къ оберъ-комиссару. Отъ него я узналъ,—правда, не безъ

удивленія,—что списокъ членовъ русской колоніи, найденный въ отобранной у меня карманной записной книжкѣ, представлялъ изъ себя ничто иное, какъ списокъ русскихъ шпіоновъ; во 2-хъ, что я будто бы каждый день бывалъ въ одномъ вѣнскомъ шинкѣ (въ дѣйствительности же, питая природное отвращеніе къ спиртнымъ напиткамъ, я обыкновенно пробѣгалъ мимо этихъ грязныхъ питейныхъ заведеній, какъ мимо помойныхъ ямъ), тамъ я будто бы пилъ шнапсъ, а туда заходятъ австрійскіе солдаты; въ 3-хъ, что найденныя при мнѣ русскія деньги моей матери, а также австрійскія деньги, ссуженныя мнѣ Посольствомъ,—тѣхъ и другихъ въ общей сложности было около 3-хъ съ половиною тысячъ рублей,—деньги эти будто бы предназначались для платы шпіонамъ; и въ 4-хъ, наконецъ, что кусочки разорванной открытки, валявшіеся у меня на полу и подобранные съ него при обыскѣ моей квартиры, произведенномъ черезъ нѣсколько дней послѣ моего ареста, имѣютъ какое-то важное значеніе,—хотя открытка не мнѣ была адресована, была, вѣроятно, невиннаго содержанія, и о существованіи ея на свѣтѣ ни въ цѣломъ, ни въ разорванномъ видѣ я не имѣлъ до того никакого понятія.

— На основанiи этихъ данныхъ,—заявилъ мнѣ не безъ нѣкоторой торжественности оберъ-комиссаръ,—я васъ предаю военному суду.

Затѣмъ, перейдя на болѣе фамильярный тонъ, онъ сообщилъ мнѣ, что въ Петроградѣ убитъ чернью совѣтникъ Германскаго Посольства.

— Мы, австрiйцы,—продолжалъ онъ,— не можемъ пройти мимо этого факта равнодушно. Конечно, къ вамъ не будутъ примѣнены такiя-же грубыя средства. Потому что, какъ-никакъ, а мы все-таки лучше васъ.

Его двусмысленныя слова произвели на меня такое впечатлѣнiе, что я почувствовалъ себя обреченнымъ. Я рѣшилъ, что мнѣ надо готовиться къ смерти.

И вотъ 6-го августа, вечеромъ, тѣ-же два полицейскихъ чиновника, которыми я былъ увезенъ съ моей квартиры, усадили меня въ большой, красивый автомобиль, гдѣ я, между прочимъ, замѣтилъ свой чемоданъ, и повезли меня глухими улицами къ невѣдомой мнѣ цѣли. Было холодно; шелъ дождь. Я былъ въ одномъ лѣтнемъ пиджачкѣ и порядочно промерзъ. Остановились мы въ 7-омъ городскомъ округѣ, на улицѣ Слѣпыхъ (Blindengasse), передъ зданiемъ съ какою-то надписью золотыми буквами на фронтонѣ.

Насъ пропустили чрезъ большую входную дверь. Я увидѣлъ молодыхъ солдатъ съ ружьями на плечахъ. Появился военный съ шашкою,—это былъ человѣкъ ниже-средняго роста, худощавый, съ розоватымъ, но болѣзненнымъ цвѣтомъ лица. Назывался онъ по своему чину, какъ вскорѣ потомъ я узналъ, штабсъ-профосъ. Мои спутники вручили ему препроводительную бумагу.

— Но, послушайте,— заявилъ вдругъ штабсъ-профосъ во время чтенія бумаги,—это же не сюда! Вѣдь здѣсь военный судъ, а его направляютъ въ гражданскій. Вамъ нужно съ нимъ ѣхать въ 3-й городской округъ, на Ландштрассе.

— Бѣги скорѣе, плати!—поручилъ одинъ изъ моихъ спутниковъ своему товарищу.

Тотъ, вернувшись, показалъ ему на ладони какую-то мелочь.

— Да примите его! Ну, что вамъ стоитъ?!— стали они просить штабсъ-профоса.

При этомъ объяснили ему, что у нихъ, къ сожалѣнію, слишкомъ мало денегъ, чтобы ѣхать дальше. А идти пѣшкомъ, вѣдь это такая даль! Да и дождь идетъ. А чемоданъ страшно тяжелый.

Штабсъ-профосъ былъ, однако, неумолимъ:

указывалъ на свою отвѣтственность, на то, что принять меня было бы противозаконно. Впрочемъ, переговоры кончились тѣмъ, что онъ всетаки вошелъ въ наше положеніе.

— Ну, такъ и быть,—заявилъ онъ, смягчаясь,— принимаю. Только знайте, что это будетъ мнѣ стоить нѣсколькихъ дней кропотливой работы.

— Ведите его въ канцелярію!—распорядился онъ, обратившись къ солдатамъ.

— А чемоданъ, — сказалъ онъ мнѣ, — вы должны сами нести. Таковы предписанія: каждый самъ долженъ нести свои вещи.

Какъ только онъ отвернулся, одинъ молодой, привѣтливый солдатикъ, относившійся, повидимому, съ пренебреженіемъ ко всѣмъ мѣстнымъ правиламъ и предписаніямъ, выхватилъ изъ моихъ рукъ тяжелую, непосильную для меня ношу, помѣстилъ ее себѣ на плечи и помчался во весь духъ сначала по одной лѣстницѣ, затѣмъ по другой, потомъ по корридору. Я въ сопровожденіи вооруженной стражи едва поспѣвалъ за нимъ.

Вошли мы въ канцелярію, гдѣ за разными столами сидѣло три-четыре человѣка. Одинъ изъ нихъ взялъ бланкъ, сталъ вносить въ него мои отвѣты на вопросы о томъ, кто я, гдѣ и когда родился и т. д.

Вдругъ влетаетъ штабсъ-профосъ.

— Ахъ, вы, такіе-сякіе!—разразился онъ нелестными эпитетами,—развѣ въ эту канцелярію? Въ мою канцелярію! Я жду-жду, а они...

Произошло смятеніе. Чемоданъ мой снова былъ схваченъ.

— Куда?!—остановилъ общее движеніе грозный штабсъ-профосъ.—Разъ вы здѣсь, такъ здѣсь и оставайтесь. Какіе, право, идіоты!

Вообще, это былъ большой сквернословъ.

Получивъ отъ меня въ канцеляріи необходимыя свѣдѣнія, послѣ того здѣсь у меня отобрали часы съ цѣпочкой, перочинный ножикъ и портмонэ съ мелкими швейцарскими деньгами, какъ это, впрочемъ, было и въ полиціи, гдѣ отбирались сверхъ этихъ предметовъ еще шляпа и галстухъ.

Изъ канцеляріи штабсъ-профосъ повелъ меня въ круглое, внутри совершенно пустое зданіе, высотою отъ пола до стеклянной крыши саженъ въ 12, съ лѣстницей, шедшей сбоку зигзагами. Въ зданіи этомъ царила глубокая тишина. Мы поднялись въ четвертый этажъ. Штабсъ-профосъ отворилъ небольшую, темно-зеленую дверь (въ каждомъ изъ пяти этажей дверей такихъ, какъ потомъ я подсчиталъ, было по 10). Я вошелъ.

Дверь за мною сразу-же закрылась и я очутился въ совершенной темнотѣ. Постоявши, началъ подвигаться впередъ со скоростью черепахи, опасаясь провалиться въ какой-нибудь погребъ. Вскорѣ я наткнулся на кровать, влѣзъ на нее и растянулся во весь ростъ. Отдохнувши и набравшись силъ, я снова поднялся и, при помощи не столько небольшого, высоко расположеннаго надъ поломъ окна, черезъ которое, благодаря облачности, не проникало почти никакого свѣта, сколько при помощи собственныхъ рукъ, при помощи своего осязанія, сталъ знакомиться съ помѣщеніемъ, въ которое я попалъ. Я нащупалъ двѣ довольно низкихъ горизонтальныхъ дощечки, прикрѣпленныхъ къ стѣнѣ. Одна изъ нихъ помѣщалась выше, другая ниже. Судя по хлѣбнымъ крошкамъ, находившимся на болѣе высокой дощечкѣ, я догадался, что дощечки эти представляютъ собой столъ и скамейку. Недалеко отъ нихъ стояло на полу ведро. Въ стѣнѣ подъ окномъ я нащупалъ желѣзное кольцо.

— Ну,—думаю,—это сюда приковываютъ!

Вообще, мнѣ все здѣсь напоминало почему-то средневѣковье, рыцарскія времена и рыцарскіе замки.

Разобравши, что на твердой соломенной по-

душкѣ было сложено одѣяло, а въ немъ находились двѣ простыни, я приготовилъ себѣ постель, раздѣлся и вскорѣ снова былъ на кровати.

Такимъ-то образомъ былъ я водворенъ въ зданіи, извѣстномъ въ Австріи подъ именемъ Вѣнской Бастиліи, или же Чортовой Башни.

Въ дѣйствительности, конечно, мѣсто это далеко не такъ страшно, какъ его названіе.

II.

Первый и послѣдующіе дни.

На другой день, въ пять часовъ утра послышалась дробь электрическаго звонка. Я одѣлся и убралъ постель. На высокомъ потолкѣ у меня ужъ ярко горѣла электрическая лампа, скоро, впрочемъ, погашенная. Надъ кроватью увидѣлъ я небольшую полку, поддерживаемую двумя вбитыми въ стѣну желѣзными стержнями и составлявшую дополненіе къ открытой мною наканунѣ обстановкѣ моей каморки. Каморка была по виду похожа нѣсколько на клинъ или, лучше, на кусокъ порѣзаннаго торта, если вообразить себя внутри такого куска. Въ острой ея части находилась дверь; напротивъ

ея, въ нѣсколько вогнутой стѣнѣ—окно. Длина каморки, считая и широкій порогъ, 6 шаговъ.

Черезъ полчаса послѣ звонка дверь, которая была заперта снаружи на замокъ и двѣ задвижки, отворилась. Появилось трое военныхъ. Одинъ изъ нихъ, съ орлинымъ носомъ, сообщилъ мнѣ, что онъ будетъ приходить, для повѣрки заключенныхъ, утромъ и вечеромъ; а я, стоя передъ нимъ на разстояніи трехъ шаговъ, обязанъ ему говорить: утромъ:—«ничего новаго, господинъ фельдфебель», и вечеромъ:—«докладываю вамъ о себѣ, господинъ фельдфебель, какъ о подслѣдственномъ заключенномъ».

Послѣ ухода этихъ трехъ ревизоровъ, выглянулъ я за дверь и увидѣлъ, что во всѣхъ пяти этажахъ башни копошатся люди: иные метутъ свои камеры, другіе моются изъ-подъ крана или берутъ себѣ оттуда воду; иные, наконецъ, украдкой и шопотомъ переговариваются другъ съ другомъ.

Узники, двигавшіеся по каменной, подковообразной площадкѣ моего этажа, приковывали къ себѣ мое особенное вниманіе: одинъ изъ нихъ былъ съ краснымъ, залитымъ кровью, глазомъ; одинъ напоминалъ собою стараго скопца; одинъ былъ, въ буквальномъ смыслѣ

слова, босякъ, т. е., совершенно безъ обуви; одинъ—съ мощнымъ тѣлосложеніемъ—походилъ на кузнеца: какъ я вскорѣ узналъ, онъ только что отсидѣлъ въ острогѣ двадцать лѣтъ за неумышленное убійство; остальные обитатели этажа были нижніе военные чины.

Въ то утро я только вымелъ свою камеру и набралъ въ ведро свѣжей воды, но не умывался, такъ какъ у меня не было полотенца. Полотенцемъ меня снабдили лишь дня черезъ два, черезъ три.

Около 6 часовъ утра было намъ подано въ жестянкахъ,—называемыхъ въ Россіи чуть-ли не манерками,—черное, сладковатое кофе; а нѣсколько позже мы получили по половинѣ круглаго хлѣба. Хлѣбъ, конечно, черный, солдатскій. Пустыя жестянки были выставлены нами за двери, и мы были заперты снаружи на одну задвижку.

Часовъ около 9 утра фельдфебель повелъ меня, какъ новичка, въ отдѣленіе для врачебнаго освидѣтельствованія. Врачъ нашелъ у меня лихорадку и далъ проглотить двѣ горькихъ лепешки. Такихъ новичковъ, какъ я, оказалось человѣкъ 15. Новичковъ этихъ называютъ здѣсь «маролами». Вообще, иностранныя слова здѣсь

въ ходу: обѣдъ иначе и не называется, какъ «мэнаже»; посѣщеніе доктора—врачебное «визитэ», а словомъ «багаже» пользуются, какъ однимъ изъ довольно крѣпкихъ ругательныхъ словечекъ.

Въ то-же утро я былъ представленъ главному начальнику тюремнаго замка—маіору, невысокому, полному господину, одѣтому въ черное; а маіоромъ былъ представленъ предсѣдателю военнаго суда,—высокому, полному мужчинѣ, тоже военному, произнесшему при представленіи одно только слово: «да». Не знаю, почему были устроены для меня эти церемоніи. Вмѣсто нихъ, маіоръ, обыкновенно, выходитъ только въ корридоръ къ кучкѣ мародовъ и угощаетъ ихъ тамъ горячею головомойкою.

Часовъ около 10 утра опять защелкали въ башнѣ дверныя задвижки, словно кости на какихъ-то огромныхъ счетахъ.

— На прогулку! на прогулку!

Заключенные спустились внизъ и вышли попарно во дворъ, сопутствуемые вооруженнымъ конвоемъ. Дворъ—четырехугольный, продолговатый, съ чахлою растительностью посрединѣ. Съ одной стороны его круглѣетъ наша башня, а къ тремъ остальнымъ примыкаютъ огромные корпуса, составляющіе съ башнею и другъ съ

другомъ одно цѣлое и предназначенные, какъ и башня, для помѣщенія узниковъ, а отчасти, для квартиръ служащихъ,—что мнѣ объяснилъ шедшій со мною въ парѣ меланхолическій хорватъ. Послѣ прогулки, длившейся минутъ 10—12, всѣ мы снова были заперты въ нашихъ камерахъ.

Между 11-ью и 12-ью подали каждому изъ насъ обѣдъ въ двухъ жестянкахъ: въ одной изъ нихъ былъ супъ съ кусочками мяса или, точнѣе, съ кусочками мясныхъ отбросовъ, въ другой, не помню ужъ, тертый картофель, а можетъ быть, капуста, горохъ или бобы, вообще, одно изъ этихъ обычныхъ тамъ кушаній. Оба блюда были сдобрены такими острыми приправами, что показались мнѣ предназначенными не для обыкновеннаго смертнаго, а скорѣе для любителя сильныхъ ощущеній: такъ отъ нихъ жгло во рту.

Между 4 и 5 часами подали бѣлый мучной супъ на постномъ маслѣ; въ результатѣ снова во рту жженіе.

Между 5 и 6 часами вечера, согласно своему обѣщанію, появился опять фельдфебель со спутниками, и двери были заперты на тройной запоръ.

Въ половинѣ девятаго вечера задребезжалъ электрическій звонокъ, въ теченіе дня не разъ, неизвѣстно для чего, дававшій о себѣ знать.

— Теперь приглашаютъ, вѣроятно, на боковую,—сообразилъ я. Раздѣлся и—подъ одѣяло.

Такимъ-то образомъ провелъ я первый день или, если угодно, первыя сутки моего заключенія въ Бастиліи.

За первымъ днемъ потянулся длинный рядъ другихъ дней, тяжелыхъ, безрадостныхъ, нудныхъ, однообразныхъ, двигавшихся съ утра до вечера медленной, едва замѣтной поступью.

Если исключить бывшія въ первый день свиданія мои съ докторомъ, маіоромъ и предсѣдателемъ суда, то всѣ послѣдующіе дни, въ сущности, были чрезвычайно похожи на первый день. Разнились они отъ него, во 1-хъ, или мелкими перемѣнами, но болѣе или менѣе устойчивыми и длительными, или, во 2-хъ, какими-нибудь выдающимися случаями, изрѣдка отмѣчавшими тотъ или иной день.

Мелкія перемѣны были, напримѣръ, такого рода. Начиная со второй половины сентября (нашего стиля), колокольчикъ будилъ насъ не въ 5 часовъ, а, спасибо ему, въ 6. На утреннюю провѣрку вскорѣ совсѣмъ пересталъ являться фельдфебель, а вмѣсто него приходилъ штабсъ-профосъ или другой кто. Къ утреннему метенію половъ прибавлялось еще по субботамъ мытье

ихъ, производившееся, впрочемъ, не всѣми узниками собственноручно. Составъ узниковъ постепенно мѣнялся: одни уходили, и на ихъ мѣсто появлялись другіе. Разговоры и всякія сношенія между узниками были вскорѣ совершенно прекращены, и къ крану изъ своихъ келій они ходили въ-одиночку. Утреннее кофе замѣнялось нерѣдко бѣлымъ супомъ. Прогулки башенныхъ узниковъ парами смѣнились прогулками ихъ гуськомъ, на значительномъ разстояніи другъ отъ друга, затѣмъ—прогулками нѣкоторыхъ изъ нихъ въ-одиночку и, наконецъ, съ октября и въ теченіе всей зимы башенные узники были совершенно лишены прогулокъ и должны были сидѣть безвыходно взаперти, въ своихъ маленькихъ каморкахъ. Дважды въ мѣсяцъ происходилъ общій врачебный осмотръ и была баня или, вѣрнѣе, тепловатый душъ; но одновременно съ прогулками то и другое было упразднено. По воскресеньямъ обѣдъ и ужинъ подавались значительно раньше, чѣмъ въ будни, такъ какъ тюремное начальство старалось воспользоваться воскреснымъ отдыхомъ и куда-то уходило; при этомъ ужинъ подавался почти непосредственно за обѣдомъ, часовъ около 12 дня, и камеры сразу послѣ того запирались на ночь.

Это мелкія перемѣны.

Изъ особенныхъ случаевъ, выпадавшихъ на тотъ или иной день и меня лично болѣе или менѣе сильно волновавшихъ, разскажу вкратцѣ о слѣдующемъ: 1) о встрѣчѣ мною знакомыхъ въ средѣ узниковъ; 2) о вызовахъ меня въ судъ, къ судебному слѣдователю; 3) о посѣщеніи узниковъ православнымъ священникомъ; 4) о попыткѣ перевести меня изъ башни въ другое помѣщеніе, и, наконецъ, 5) о появленіи между заключенными душевныхъ болѣзней.

III.

Встрѣча съ знакомыми.

Встрѣча съ знакомыми произошла на третій или четвертый день моего пребыванія въ башнѣ. Гляжу я черезъ узенькое окошечко въ моихъ дверяхъ (чрезъ такія окошечки къ узникамъ постоянно днемъ и ночью заглядывали часовые), вижу: штабсъ-профосъ идетъ по площадкѣ моего этажа съ членомъ австрійскаго парламента, извѣстнымъ другомъ Россіи, Дмитріемъ Андреевичемъ Марковымъ. У Маркова накинуто на плечи лѣтнее пальто, на головѣ—шляпа-панама. Онъ

бодро и оживленно разговариваетъ съ штабсъ-профосомъ. Послѣдній заперъ его въ камеру по сосѣдству съ моею. Я ощутилъ необыкновенный подъемъ духа.

Чтобы дать новому сосѣду о себѣ знать, я началъ громко распѣвать русскія пѣсни.

На другой день утромъ, когда камеры были открыты, мы пожали другъ другу руки. Отъ Дмитрія Андреевича я услышалъ, что онъ былъ арестованъ въ Перемышлѣ, на вокзалѣ, возвращаясь съ чьей-то свадьбы, и, какъ ему казалось, арестованъ былъ за то, что въ политической телеграммѣ, посланной отъ его имени въ редакцію «Новаго Времени», было два лишнихъ слова, зачеркнутыхъ австрійскою цензурою.

— Но я,—увѣренно говорилъ онъ,—легко докажу въ судѣ, что телеграмма была послана не мною, а моимъ замѣстителемъ, и меня сразу отпустятъ на свободу.

Черезъ день-другой послѣ этой встрѣчи къ намъ привели червонорусскаго адвоката, также моего знакомца, Семена Степановича Булика, арестованнаго въ одной изъ вѣнскихъ гостинницъ. Камера моя оказалась посрединѣ между камерами Маркова и Булика.

Около этого же времени, глядя какъ-то утромъ

изъ своего четвертаго этажа въ третій, встрѣтился я глазами съ корреспондентомъ «Новаго Времени» Дмитріемъ Григорьевичемъ Янчевецкимъ, арестованнымъ сразу послѣ начала войны. Онъ глядѣлъ на меня въ теченіе нѣкотораго времени съ недоумѣніемъ, раньше чѣмъ поздороваться.

Общество этихъ знакомыхъ, хотя и приходилось быть съ ними всегда почти врозь, дѣйствовало все-таки на душу благотворно,—не было больше тяжелаго чувства одиночества, какое испытывалось раньше. Простыя же слова моихъ ближайшихъ сосѣдей, повторявшіяся ими при всякомъ случаѣ и мнѣ и другъ другу: «да не бойтесь! Вамъ ничего не будетъ»,—производили на душу удивительно успокаивающее дѣйствіе.

IV.

Въ судѣ.

Въ зданіе суда, находящееся всего шагахъ въ 30-ти отъ военной тюрьмы, являлся я для допросовъ у судебнаго слѣдователя четыре раза и, кромѣ того, вызывался для разговоровъ съ квартирною хозяйкою, приносившей мнѣ бѣлье, одежду и т. п. вещи, не менѣе десяти разъ.

Допрашивалъ меня два раза самъ судебный слѣдователь—высокій, рыжій, полный мужчина, капитанъ Гайтъ, и два раза—его помощникъ, сѣдоватый штатскій, съ большимъ шрамомъ на щекѣ.

Помощникъ во время допросовъ, не знаю почему, старался быть грубымъ и даже стучалъ кулакомъ по столу, такъ что самъ Гайтъ не разъ его обуздывалъ.

На допросахъ у слѣдователя рѣчь о шнапсѣ и о разорванной открыткѣ совсѣмъ ужъ не возбуждалась, но потребованы были снова объясненія по поводу списка членовъ русской колоніи и конфискованныхъ у меня денегъ. Въ деньгахъ этихъ заподазривался, кажется, пресловутый «русскій рубль, катящійся по Галиціи», о которомъ такъ часто до того писалось въ газетахъ.

Новыми моментами при допросахъ у слѣдователя явились для меня: во 1-хъ, вопросъ о найденномъ въ моихъ бумагахъ спискѣ пѣвчихъ церковнаго хора; во 2-хъ, вопросы о томъ, нѣтъ-ли у меня денегъ въ банкѣ, а также, почему нѣтъ; въ 3-хъ, знакомъ-ли я съ Янчевецкимъ, Марковымъ и Буликомъ (я отвѣтилъ, что съ Янчевецкимъ знакомъ довольно коротко, а съ Марковымъ и Буликомъ—только шапочно).

и 4-мъ, наконецъ, новымъ моментомъ была моя очная ставка съ какою-то молоденькою дамою и затѣмъ ея мужемъ, военнымъ, причемъ насъ спрашивали: «знаемъ-ли мы другъ друга?» По счастью, ни я ихъ, ни они меня въ жизни никогда не видали.

Въ послѣдній разъ вызванъ я былъ въ судъ 11-го февраля, на 190-й день моего сидѣнія въ башнѣ. Тогда ужъ было въ судѣ пріятно. Въ судебной повѣсткѣ значилось, что, какъ лицо невиновное, я освобождаюсь отъ судебнаго преслѣдованія и приглашаюсь получить обратно мои вещи и конфискованныя у меня деньги.

На другой день утромъ я ужъ катилъ въ желѣзнодорожномъ вагонѣ по направленію къ матушкѣ-Россіи.

Что̀ меня больше всего поражало на допросахъ и въ судѣ и, еще раньше, въ полицейскомъ управленіи, такъ это недовѣріе, съ какимъ относились къ моимъ словамъ, къ моимъ показаніямъ.

Особенно отличался въ этомъ отношеніи полицейскій оберъ-комиссаръ. Что ему ни скажешь, все это не такъ, на все онъ скептически улыбается или отрицательно качаетъ головой. Дѣло доходило до того, что, когда, на его вопросъ

объ имени моей матери, я ему отвѣтилъ, что ее зовутъ Антонина, онъ вдругъ мнѣ заявилъ:

— А вотъ же и не Антонина!

— А какъ же?

— Варвара. Вотъ стоитъ на конвертѣ: «Варварѣ Ивановнѣ».

— Но это моя сестра.

— Да, да, разсказывайте! Такъ я вамъ и повѣрю!

Въ древности былъ, говорятъ, философъ, который, выходя изъ дому на улицу, шелъ прямо на людей, на деревья, на экипажи, такъ какъ былъ убѣжденъ, что ничего этого въ дѣйствительности нѣтъ: все это одинъ обманъ. Мнѣ кажется, сойдись этотъ древній мудрецъ гдѣ-нибудь съ вѣнскимъ оберъ-комиссаромъ, они смѣло могли бы подать другъ другу руку... если бы, конечно, только не усумнились взаимно въ существованіи одинъ другого.

Въ военномъ судѣ, какъ только начался мой первый допросъ, я, къ своему огорченію, увидѣлъ, что допрашивавшій меня помощникъ судебнаго слѣдователя былъ роднымъ братомъ полицейскаго оберъ-комиссара,—братомъ если не по плоти, то, несомнѣнно, по духу: онъ точно также не хотѣлъ ни одному моему слову вѣрить

и все, что я ему ни говорилъ, подвергалъ онъ сомнѣнію. Лишь послѣ того, какъ я, собравъ весь крошечный запасъ имѣвшейся у меня тогда смѣлости, замѣтилъ ему, что не ожидалъ встрѣтить въ этомъ учрежденіи подобное отношеніе къ себѣ, онъ въ дальнѣйшемъ старался ужъ держать свой скептицизмъ, по возможности, на привязи.

Отъ адвоката С. С. Булика, сосѣда моего, я получилъ разъясненіе моего недоумѣнія по поводу этихъ попавшихся мнѣ типовъ «Ѳомы невѣрующаго». Въ виду того, что австрійскіе законы, по его словамъ, караютъ только лицъ, которыя въ качествѣ *свидѣтелей* даютъ завѣдомо ложныя показанія, въ Австріи повелся обычай, что всѣ *обвиняемые* отвѣчаютъ на допросахъ, что Богъ на душу имъ положитъ или что̀ имъ наиболѣе выгодно, такъ какъ каждый имѣетъ право защищаться, какъ ему вздумается. Естественно, поэтому, что и допрашивающіе не даютъ словамъ ихъ вѣры, сомнѣваясь во всемъ, что тѣ имъ ни скажутъ.

Нравы, на нашъ взглядъ, конечно, довольно странные.

Впрочемъ, и самому Семену Степановичу, знатоку ихъ, былъ чрезъ нѣкоторое время послѣ

того сдѣланъ неожиданный подвохъ. Именно, его вызвали въ судъ и заявили, что будутъ его допрашивать, какъ свидѣтеля. Онъ разсказалъ чистую правду. Тогда его увѣдомили, что допрашивался онъ не какъ свидѣтель, а какъ обвиняемый. Ему,—передавалъ онъ,—ничего другого послѣ того не осталось, какъ взять всѣ свои показанія обратно и дать другія показанія, новыя, что̀ онъ и поспѣшилъ сдѣлать.

Очевидно, военному суду въ Австріи позволительно пользоваться и военными хитростями...

V.

Австрійскій священникъ.

Черезъ мѣсяцъ послѣ моего поступленія въ башню, однажды утромъ всѣ православные узники, человѣкъ около 30—40, были собраны въ большую комнату съ ученическими скамьями и черной доскою, чтобы получить, какъ говорили, духовное утѣшеніе. Въ такомъ утѣшеніи давно ужъ, конечно, всѣ нуждались. Въ числѣ собравшихся были двѣ дамы, а также уніаты Марковъ и Буликъ.

Въ комнату эту явился къ намъ господинъ

высокаго роста, съ черной подстриженной бородкой, одѣтый въ военное платье: въ высокой фуражкѣ съ козырькомъ и шинели, застегнутой на рядъ свѣтлыхъ пуговицъ. Это былъ православный военный священникъ, родомъ австрійскій сербъ.

Заявивши намъ прежде всего, что своей проповѣди, приготовленной исключительно для солдатъ, къ сожалѣнію, не можетъ произнести, такъ какъ видитъ, что здѣсь все не военные, онъ затѣмъ попросилъ каждаго изъ насъ разсказать ему, кто при какихъ обстоятельствахъ былъ арестованъ и въ чемъ обвиняется. Послѣ этой, можно сказать, всенародной исповѣди оказалось, что всѣ, почти безъ исключенія, обвиняются въ шпіонствѣ; однако, привлечены къ отвѣтственности безъ всякой вины.

Батюшка сталъ въ позу стрѣлка, прицѣлился.

— Пафъ! пафъ! вотъ что шпіонамъ!—произнесъ онъ неожиданно для всѣхъ насъ суровымъ, сердитымъ голосомъ.—И безъ всякой пощады!

— Но мы же не виновны,—послышались робкіе голоса,—помилосердствуйте!

— Я говорю только о виновныхъ,—заявилъ

онъ.—А впрочемъ, что-жъ, что не виновны: если бы и невинныхъ осудили, то тутъ нечего роптать. Не забывайте, что здѣсь судъ не Божій, а человѣческій. Людямъ же, какъ извѣстно, свойственно ошибаться. Вотъ, — продолжалъ онъ,—я читалъ въ газетахъ, какъ въ Россіи...

И онъ передалъ отрывокъ изъ сочиненій Л. Н. Толстого, гдѣ говорится о крестьянинѣ, невинно несшемъ наказаніе въ теченіе тридцати лѣтъ за убійство топоромъ, пока не обнаружилось, наконецъ, что это не его былъ грѣхъ, а другого.

— Вотъ видите,—заключилъ батюшка,—невинный, а былъ осужденъ. Что-жъ—это случается сплошь-да-рядомъ.

— Родина, родина,—усовѣщевалъ онъ насъ дальше, замѣняя почему-то понятіе государства понятіемъ родины.—Какъ можно измѣнять своей родинѣ?! Нѣтъ, если правда то, что разсказываютъ газеты о теперешнемъ поведеніи крестьянъ въ Галиціи... вѣдь это ужасъ!

Но тутъ не выдержалъ Д. Г. Янчевецкій и вступился за галицкихъ крестьянъ, заявивъ батюшкѣ, что поведеніе ихъ извинительно въ виду политической ихъ малоразвитости: они плохо отличаютъ, что̀ русское, что̀ австрійское. При-

ходятъ, напримѣръ, въ русское консульство съ убѣжденіемъ, что это ихъ консульство, которое должно имъ помогать и ихъ защищать.

— Не знаю... не знаю...—отвѣчалъ батюшка.

Выступивъ одинъ разъ, Дмитрій Григорьевичъ не оставлялъ безъ возраженій и дальнѣйшихъ рѣчей нашего духовнаго наставника, когда тотъ коснулся, напримѣръ, Сибири и выражался вообще о нашемъ отечествѣ съ недостаточнымъ къ нему уваженіемъ.

Но вотъ прошло часа полтора съ начала собесѣдованія. Батюшка поглядѣлъ на часы, и собраніе было закрыто.

Возвращаясь въ свою камеру, я чувствовалъ себя еще тревожнѣе, еще болѣе разстроеннымъ, чѣмъ до свиданія съ духовнымъ пастыремъ.

— Это не важно,—думалось мнѣ,—что одѣтъ онъ не по-священнически. А вотъ жаль, что и внутреннее его настроеніе не только не священническое, но и врядъ ли христіанское. Будь въ душѣ его какая-нибудь мягкость или теплота, изъ этого все-таки что-нибудь передалось бы, сообщилось бы слушателю. А то—одно только раздраженіе. Хорошо же онъ исполнилъ заповѣдь

Спасителя: «бѣхъ Азъ въ темницѣ, и посѣтисте Мене!» Утѣшилъ, нечего сказать!..

Послалъ я немедленно Янчевецкому около десятка грушъ изъ имѣвшагося у меня запаса ихъ, не объясняя за что. Но онъ, думаю, догападся.

VI.

Попытка перевести меня изъ одиночной камеры въ общую.

Это было во второй половинѣ ноября, наканунѣ одного изъ австрійскихъ табельныхъ дней. Ко мнѣ въ камеру вошелъ старшій надзиратель со словами:

— Поздравляю! вы можете уже оставить вашу камеру.

— Какъ! Свобода?—крикнулъ я.

— Нѣтъ,—говоритъ,—еще не совсѣмъ свобода, но шагъ къ свободѣ: вы переводитесь изъ одиночной камеры въ общую; тамъ гораздо лучше.

— Какъ же,—думаю себѣ,—лучше, когда еще наканунѣ этотъ самый старшій, какъ я слышалъ собственными ушами, разносилъ многолюдныя камеры на чемъ свѣтъ стоитъ? Тамъ, дескать, и вонь, и грязь и всякія мерзости.

— Нѣтъ, позвольте мнѣ,—говорю,—ужъ лучше здѣсь остаться!

— Этого нельзя ни въ коемъ случаѣ. Берите ваши вещи и пойдемте.

— Такъ позвольте мнѣ повидаться съ маіоромъ.

— Это можно, но только не сегодня.

— Такъ позвольте переговорить съ штабсъ-профосомъ.

И я въ сильномъ волненіи спустился внизъ, въ комнатку штабсъ-профоса. Отъ него я узналъ, что въ наступающую ночь ожидается новая партія узниковъ, для которыхъ необходимо опростать нѣсколько камеръ въ башнѣ; вотъ онъ и рѣшилъ перевести, въ числѣ нѣкоторыхъ другихъ заключенныхъ, и меня въ другое помѣщеніе. Я просилъ его, какъ величайшей милости, разрѣшить мнѣ остаться на старомъ моемъ мѣстѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ, нельзя!—отказывалъ онъ.

Въ концѣ концовъ онъ мнѣ все-таки пообѣщалъ, что, если кто-нибудь изъ ожидающихся новыхъ узниковъ не прибудетъ, то завтра же я могу возвратиться въ мою камеру обратно.

Я тотчасъ поднялся наверхъ, навьючился своими вещами и черезъ разныя рѣшетчатыя, желѣзныя двери, по разнымъ лѣстницамъ и кор-

ридорамъ подведенъ былъ къ одной неизвѣстной мнѣ камерѣ и впущенъ въ нее. Въ камерѣ никого не было: всѣ жильцы, очевидно, были гдѣ-нибудь на работѣ. Камера, дѣйствительно, не производила сколько-нибудь выгоднаго для себя впечатлѣнія. Правда, она была большая, но свободнаго мѣста въ ней было совсѣмъ мало. Въ ней я насчиталъ пятнадцать кроватей. Стояли онѣ изголовьями къ тремъ стѣнамъ и были поставлены такъ близко одна возлѣ другой, что прохода между кроватями не было и онѣ сливались какъ-бы въ одинъ сплошной огромный диванъ. Судя по вещамъ на полкахъ, обитателями камеры были только люди простые и бѣдные. У дверей стояло небольшое ведро и на немъ кружка. Среди камеры помѣщался маленькій деревянный столъ и возлѣ него стояло двѣ скамейки.

— Но какъ же,—думалъ я,—эти пятнадцать человѣкъ здѣсь ѣдятъ, если возлѣ стола можетъ помѣститься не болѣе, какъ четверо? И какъ вообще буду я жить среди этихъ людей?

Я былъ близокъ къ отчаянію. Но вотъ въ комнату вошло двое изъ жильцовъ: рыжеватый еврей, повидимому, изъ Галиціи и за нимъ крестьянинъ. Еврей сказалъ мнѣ что-то въ родѣ

«добро пожаловать», подалъ мнѣ руку и тутъ же заявилъ:

— Представьте, утаилъ я всего 3 кроны 5 геллеровъ, а сижу вотъ уже два мѣсяца. Помилуйте, гдѣ же на свѣтѣ Божьемъ справедливость?!

Съ крестьяниномъ, лицомъ менѣе экспансивнымъ, я ужъ самъ первый поздоровался. Онъ мнѣ указалъ на одну изъ двухъ свободныхъ кроватей, которая находилась рядомъ съ его кроватью, и предложилъ мнѣ ее занять. Вскорѣ оба посѣтителя ушли изъ камеры. Я сталъ раздумывать о томъ, что здѣсь, можетъ быть, и не такъ дурно будетъ житься, какъ мнѣ казалось. Одно только несомнѣнно: вещи мои будутъ разворованы.

Вдругъ дверь отворилась. Въ комнату вошелъ опять надзиратель.

— Собирайте,—говоритъ,—ваши вещи и возвращайтесь въ башню, въ свою камеру.

— Боже мой, да правда ли это? Кому я обязанъ: штабсъ-профосу?

— Штабсъ-профосу и вообще всѣмъ,—отвѣтилъ мнѣ надзиратель.

Я ногъ подъ собой не чувствовалъ отъ радости. Я старался сказать лицамъ, встрѣчавшимся мнѣ на дорогѣ, что-нибудь пріятное. И

вотъ, наконецъ, я въ своей камерѣ. Не такъ, впрочемъ, было *это* пріятно, какъ то, что былъ я не въ общей.

Радость у меня была какая-то инстинктивная. Я только значительно позже узналъ, что въ камеры, назначенныя, напримѣръ, на пятнадцать человѣкъ, нагонялось, въ случаѣ наплыва узниковъ, человѣкъ по 45 и даже болѣе, такъ что ночью на одномъ тюфякѣ лежало по три, по четыре человѣка; за отсутствіемъ же одѣялъ согрѣвались они теплотою собственныхъ тѣлъ, прижавшись другъ къ другу.

Какъ ни велика была моя радость по случаю освобожденія изъ общей камеры, однако, тяжелое потрясеніе, испытанное мною по этому поводу, было значительно сильнѣе радости и долго еще давало мнѣ о себѣ знать. Я еще долго послѣ того страдалъ коликами въ сердцѣ, безсонницей и, главное, затрудненнымъ дыханіемъ. Дыханіе по временамъ совсѣмъ у меня прекращалось, и я долженъ былъ производить его съ участіемъ своей воли. Отъ прицѣпившейся же ко мнѣ мысли, что моя камера въ башнѣ вскорѣ для кого-нибудь снова понадобится, и мнѣ предложатъ опять ее очистить, мною безпрерывно владѣлъ такой ужасъ, что я не разъ

задавалъ себѣ вопросъ: прекратится ли когда-нибудь этотъ ужасъ или же мнѣ суждено навсегда остаться въ его власти?

VII.

Душевныя болѣзни.

За первые три мѣсяца моего пребыванія въ башнѣ я слышалъ тамъ трехъ душевно-больныхъ и видѣлъ изъ нихъ одного.

Разскажу сперва о томъ, котораго видѣлъ.

Это было въ августѣ мѣсяцѣ. Возвращаясь съ прогулки по двору, происходившей тогда еще парами, гляжу: невысокій и немолодой уже крестьянинъ, хорошо одѣтый, съ бритымъ, но уже щетинистымъ лицомъ, стремится мимо насъ куда-то впередъ и повторяетъ не то по-польски, не то по-малорусски:

— Пустите меня къ пану! Я пану разскажу все, какъ оно было.

Черезъ нѣкоторое время этого крестьянина, по распоряженію начальства, нашъ цирульникъ,—здоровенный мужчина, съ необыкновенно развитыми мускулами,—водворялъ въ третій этажъ: онъ почти несъ его предъ собою по лѣстницѣ, держа за шиворотъ, и отъ избытка усер-

дія то и дѣло такъ его встряхивалъ, что у того, бѣдняги, взбалтывались, вѣроятно, всѣ мозги.

Камера крестьянина, находившаяся въ малоосвѣщенной части третьяго этажа, имѣла внутри особенное устройство: ее пронизывали вертикальныя, проволочныя сѣтки, оканчивавшіяся желѣзными колонками, увитыми соломой. Надъ дверью была надпись: «для опасныхъ преступниковъ».

И вотъ изъ этой камеры нѣсколько ночей кряду несся по всей башнѣ вой. Было жутко.

Утромъ, во время умыванія, гляжу: камера эта открыта; въ ней предъ порогомъ виднѣется самъ жилецъ ея, а снаружи стоитъ кучка народа. Впереди всѣхъ—штабсъ-профосъ.

— Притворяешься! притворяешься! — кричитъ онъ по-нѣмецки.—А ну-те-ка, раздѣньте его!

Съ крестьянина вмигъ была стянута обувь и одежда; онъ остался въ одной рубахѣ. Штабсъ-профосъ окатилъ его изъ ведра холодною водою. Ему подали еще нѣсколько ведеръ, и онъ вылилъ ихъ одно за другимъ на неподвижно стоявшаго предъ нимъ узника. Потомъ онъ началъ растирать ему своими кулаками уши. Только что крестьянинъ схватится за болѣвшія мѣ-

ста, какъ тотъ его опять обдаетъ водою. Но вотъ операція кончена. Крестьянинъ смиренно стоитъ въ водѣ, похожій не то на Іоанна Крестителя, не то на какого-нибудь Христа ради юродиваго.

— Не смѣй одѣваться!—кричитъ ему штабсъ-профосъ, хотя у того врядъ ли было намѣреніе напяливать на себя валявшуюся на полу мокрую одежду.

Его вывели изъ камеры и повели куда-то внизъ по лѣстницѣ.

Черезъ нѣсколько дней всѣмъ въ башнѣ стало извѣстно, что его помѣстили въ лѣчебницу. Врачъ нашелъ у него форменное душевное разстройство.

Двухъ другихъ душевно-больныхъ я только слышалъ.

Происходило это такъ.

Въ камерѣ, находившейся въ одномъ изъ нижнихъ этажей, одинъ заключенный, судя по голосу, молодой еще, началъ по ночамъ дико вскрикивать. Крики эти съ каждымъ днемъ становились все болѣе и болѣе учащенными. И вотъ, однажды, часовъ въ одиннадцать утра слышу: внизу какая-то возня. И вдругъ вопль ужаса:

— Ай, ружье! ай, ружье!

— Ну, хорошо! Ну, хорошо!—успокоительно заговорилъ штабсъ-профосъ,—тебя поведутъ безъ ружей.

— Оставьте ружья!—сказалъ онъ, очевидно, провожатымъ.

Послышался топотъ ногъ. Въ слѣдующую ночь и въ дальнѣйшія все въ башнѣ было ужъ тихо.

Третій, наконецъ, душевно-больной помѣщался, какъ и крестьянинъ, въ камерѣ съ проволочными сѣтками, съ тою только невыгодою, что камера находилась въ первомъ этажѣ, возлѣ входной двери и была, слѣдовательно, очень безпокойная. На больного этого находили по временамъ припадки буйства. Онъ начиналъ бить чѣмъ-то по металлическимъ сѣткамъ, звонъ которыхъ разносился по всей башнѣ. Удары свои, длившіеся всегда довольно долго, сопровождалъ онъ своимъ рычаніемъ. Какъ и при какихъ обстоятельствахъ увели его изъ башни, для меня осталось неизвѣстнымъ.

Вотъ и всѣ особенные случаи, которыхъ я былъ свидѣтелемъ и въ которыхъ принималъ участіе за время моего 27-недѣльнаго пребыванія въ башнѣ.

По поводу случаевъ съ душевно-больными позволю себѣ войти здѣсь въ кой-какія разсужденія, чтобы закончить ихъ потомъ небольшимъ нравоученіемъ.

Если бы меня спросили о причинахъ душевныхъ заболѣваній въ домахъ предварительнаго заключенія, то я указалъ бы непремѣнно въ числѣ этихъ причинъ и на ту атмосферу таинственности и тревожной неизвѣстности, въ которую попадаетъ узникъ съ момента лишенія его свободы. Руководствовался бы я въ этомъ случаѣ собственнымъ опытомъ, такъ какъ самъ на этой почвѣ въ теченіе нѣкотораго времени въ полномъ смыслѣ слова безумствовалъ, хотя и находился «въ здравомъ умѣ и твердой памяти». Это было въ камерѣ полицейской тюрьмы. Произошло это такъ.

Когда я у себя на квартирѣ спросилъ полицейскихъ чиновниковъ, на какомъ основаніи они меня арестовали, разъ я имѣю разрѣшеніе отъ австрійскаго Министерства Иностранныхъ Дѣлъ на свободный выѣздъ изъ Вѣны за границу, они мнѣ неопредѣленно отвѣтили:

— Это ужъ по приказанію высшей власти... высшей, чѣмъ министерство.

— Какая же это высшая власть? — раз-

суждалъ я самъ съ собою. — Значитъ, самъ императоръ Францъ-Іосифъ вмѣшался въ это дѣло? Да; я же читалъ его указъ. Ну, тутъ ужъ добра себѣ впереди не жди! Изъ угодничества предъ нимъ чего только со мною не сдѣлаютъ?!

На другой день послѣ того, полицейскій врачъ, выходя отъ меня, сказалъ на прощанье:

— Вы постарайтесь оставить эту камеру, какъ можно скорѣе!

— Почему же нужно объ этомъ стараться?— думалъ я.—Что въ ней особеннаго?

И я посматривалъ въ ней и на полъ, черный, какъ смола, и на стѣны и на потолокъ.

Наконецъ, отъ полицейскаго оберъ-комиссара узналъ я, что австрійскими властями ко мнѣ не будутъ примѣнены грубыя средства.

— Какія же «не грубыя» средства примѣнятъ онѣ ко мнѣ?—задался я вопросомъ и принялся перебирать ихъ въ своемъ умѣ одно за другимъ, начиная съ казни по суду и до незамѣтной подсыпки мнѣ въ пищу какого-нибудь медленно дѣйствующаго яда.

Но вотъ просыпаюсь я ночью въ постели. Вниманіе мое привлекаетъ шумъ въ окнѣ,— не за окномъ, а въ самомъ окнѣ, находящемся

надъ изголовьемъ кровати. Сталъ я вслушиваться. Какъ будто въ костелѣ правится служба: сначала одинъ голосъ что-то произнесетъ, а потомъ повторяется то же самое множествомъ голосовъ. Вдругъ, все это прерывается залихватской пѣсенкой: напѣвъ несложный, но очень веселый. А теперь опять богослуженіе...

Я вспомнилъ, что такой же шумъ раздавался въ камерѣ и днемъ—безпрерывно, съ утра до вечера, только тамъ еще былъ звонъ колоколовъ и лай собаки. Я принималъ его тогда, просто, за уличный шумъ. Но вотъ ночью... и въ самомъ окнѣ...

Вдругъ я похолодѣлъ. Меня охватилъ ужасъ. Я догадался.

«Боже мой! Моя камера съ постояннымъ, безостановочнымъ шумомъ... Въ американскихъ тюрьмахъ есть, какъ пишутъ, камеры даже съ привидѣніями. А эта вѣнская тюрьма недавно только выстроена и снабжена всѣми новѣйшими усовершенствованіями и приспособленіями. Тутъ въ окнѣ, значитъ, инструментъ, какой-нибудь электрическій граммофонъ, который играетъ день и ночь. Такъ вотъ въ какую камеру меня помѣстили! И этимъ хаотическимъ шумомъ хотятъ, конечно, на меня подѣйство-

вать... хотятъ меня свести съ ума. Вотъ оно средство, примѣненное ко мнѣ по повелѣнію изъ дворца! Если буду оставаться въ этомъ шумѣ въ теченіе нѣсколькихъ недѣль или мѣсяцевъ, то онъ, понятно, разстроитъ мнѣ совершенно разсудокъ. Потому-то, несомнѣнно, и докторъ обратилъ мое вниманіе на особенность этой камеры... чтобы я пораньше началъ слушать. Теперь ужъ не могу оторваться отъ этого шума. Разъ я его открылъ, все время буду слушать. Но если они *съ этимъ* противъ меня выступили, если *такъ* хотятъ отомстить за убитаго въ Россіи германскаго чиновника, то что же мнѣ дѣлать? поддаваться? Нѣтъ, надо бороться! Бороться до послѣдней возможности! Надоѣмъ имъ хотя тѣмъ, что не такъ скоро достигнутъ своей цѣли».

Я заткнулъ себѣ уши пальцами. Хаотическіе звуки, лившіеся изъ окна, едва проникали до моего слуха.

Такъ прошла вся ночь.

Съ утра пальцы мои снова были въ ушахъ. Они уставали, и я ихъ постоянно мѣнялъ. Но я боялся только одного: какъ бы надзиратель, войдя ко мнѣ изъ корридора, не сказалъ:

— Господинъ! такъ нельзя, потрудитесь слушать!

Чтобы сдѣлать мою уловку для него незамѣтною, я закупорилъ себѣ уши пробками изъ хлѣбнаго мякиша. Съ этими пробками провелъ я часть дня и наступившую ночь.

На мое счастье, меня опять повели въ полицейское управленіе.

— Что это за странная камера, въ которую меня помѣстили?—обратился я по дорогѣ къ одному изъ провожатыхъ:—тамъ въ окнѣ вѣчный шумъ.

— А какъ же не быть шуму?—удивился онъ:—тюрьма биткомъ набита. Никогда еще въ ней не было столько народу, какъ теперь. Какъ же не быть въ ней шуму?

У меня нѣсколько отлегло отъ сердца.

Провѣряя данное мнѣ разъясненіе, я, прежде всего, вынесъ непроизвольно въ своемъ представленіи этотъ шумъ за окно, къ его разнымъ источникамъ, и голоса сразу же перестали казаться такими гнусавыми и отвратительными, какъ въ то время, когда я воображалъ ихъ въ самомъ окнѣ.

Потомъ, не безъ удовольствія, я открылъ въ немъ разговоры на русскомъ языкѣ:

— Какъ называется ваша подруга, которая стояла рядомъ съ вами у окна, черненькая?

А вечеромъ мощный бархатный басъ пѣлъ русскіе романсы. Ему много апплодировали.

— Вѣдь это же одна прелесть!—восторгался я:—здѣсь я не только среди людей, среди живыхъ людей, но и еще среди соотечественниковъ!

И я жадно ловилъ звуки и съ наслажденіемъ вслушивался въ нихъ, въ тѣ самые звуки, къ которымъ незадолго до того относился съ ужасомъ и содроганіемъ.

Вотъ то трагикомическое положеніе, въ которомъ, думаю, не всякій сознался бы и которое явилось результатомъ моего невѣдѣнія, какъ ожидавшей меня участи, такъ и окружавшей обстановки.

Вообще, неизвѣстность и таинственность, какъ каждый знаетъ, дѣйствуютъ на фантазію попавшаго въ бѣду человѣка совершенно такъ же, какъ темнота дѣйствуетъ на ребенка: ребенокъ, очутившись въ темнотѣ, сразу же наполняетъ ее всевозможными страхами и ужасами...

Спрашивается теперь: что будетъ представлять себѣ крестьянинъ изъ какой-нибудь захолустной мѣстности, когда его, не объясняя, за что и для какой надобности, неожиданно

оторвутъ отъ сохи и семьи, доставятъ въ огромный, никогда невиданный имъ городъ и здѣсь запрутъ въ чуланъ?

Ему одно ясно: надъ нимъ хотятъ учинить здѣсь что-то дурное. И, естественно, онъ будетъ усматривать во всемъ, что ему изъ окружающаго не понятно, направленныя противъ него злыя козни.

Зажигается, скажемъ, сама собою въ его камерѣ электрическая лампа.

— Вѣдь никто же не входилъ!—недоумѣваетъ онъ.—Значитъ, тутъ вмѣстѣ съ нимъ кто-то живетъ невидимый, кто ее зажегъ. Такъ вотъ куда его заперли! къ нечистой силѣ, которая здѣсь обитаетъ! Что-то она съ нимъ будетъ здѣсь продѣлывать? Какъ будетъ надъ нимъ потѣшаться?

Или вотъ: заглядываетъ къ нему каждыя двѣ-три минуты чрезъ дверное окошечко часовой. Крестьянину дѣлается не-по-себѣ.

— Съ дурнымъ, значитъ, глазомъ. По приказу начальника хочетъ, видно, сглазить.

При такомъ его настроенiи, не будетъ удивительно, если даже простое шуршанье снаружи по его дверямъ, когда сметаютъ съ нихъ утромъ пыль, въ немъ вызоветъ подозрѣнiе:

— Вотъ, вотъ! опять какъ-то они меня портятъ!..

Допустимъ, что подобные страхи и опасенія сами по себѣ еще не достаточны, чтобы человѣкъ отъ нихъ рехнулся; однако, никто не станетъ отрицать вреднаго, разрушительнаго вліянія чувствъ этихъ, какъ и, вообще, всѣхъ тяжелыхъ чувствъ, на душевное здоровье и даже прямой опасности отъ нихъ для душевнаго здоровья, если къ нимъ прибавятся еще и другіе факторы, дѣйствующіе въ томъ же направленіи.

Одно, во всякомъ случаѣ, ясно: будь атмосфера таинственности и неизвѣстности, окружающая узниковъ, менѣе густою и непроницаемою, чѣмъ теперь, будь лица, приставленныя къ узникамъ, менѣе молчаливыми и замкнутыми, то и одною изъ многихъ жестокостей въ отношеніяхъ между людьми стало бы на свѣтѣ, несомнѣнно, меньше.

Извиняюсь предъ читателемъ за это отступленіе. Теперь снова обратимся къ занимающему насъ главному предмету и не будемъ ужъ больше уклоняться отъ него въ сторону.

Чтобы дать вамъ, читатель, еще болѣе ясное представленіе объ условіяхъ жизни въ башнѣ,

я позволю себѣ теперь нѣсколько ближе ознакомить васъ, во 1-хъ, съ бывшимъ у меня тамъ начальствомъ, во 2-хъ, съ заключенными—этой смѣсью добра со зломъ,—и въ 3-хъ, наконецъ, съ душевными моими переживаніями.

VIII.

Начальство.

Начальство, вѣдавшее заключенными, можно раздѣлить на двѣ группы: первая группа—это начальство судейское, которое опредѣляло, виновенъ или не виновенъ извѣстный узникъ, и назначало ему наказаніе или освобождало его; вторая группа—тюремное начальство, завѣдывавшее непосредственно замкомъ и его узниками и находившееся въ зависимости отъ начальства судейскаго.

Наиболѣе характерною чертою, отличавшею представителей обѣихъ этихъ группъ начальства—отъ высшихъ членовъ и до низшихъ—являлась, несомнѣнно, строгость, выражавшаяся, главнымъ образомъ, въ крикливости. Исключеній въ данномъ случаѣ почти не наблюдалось.

Изъ судейскаго начальства мнѣ пришлось

имѣть дѣло съ тремя упомянутыми уже мною лицами: съ предсѣдателемъ суда, судебнымъ слѣдователемъ и его помощникомъ.

О личности предсѣдателя судить мнѣ на первыхъ порахъ было трудно, такъ какъ онъ, вообще, былъ всегда сдержанъ и не многорѣчивъ. Но вотъ въ одно воскресенье, когда обыкновенно въ его присутствіи происходитъ свиданіе заключенныхъ съ ихъ родными или знакомыми, одинъ узникъ, солдатъ, вошелъ въ комнату предсѣдателя; неся на рукахъ свою двухлѣтнюю дочь, которую онъ подозвалъ къ себѣ еще въ передней. Это было, вѣроятно, противъ правилъ. Изъ комнаты своей вдругъ выглянулъ въ переднюю предсѣдатель, весь красный.

— Что за безобразіе?!—крикнулъ онъ.— Всѣхъ прогоню: и арестантовъ и публику!

Тутъ стало ясно, что и его душѣ не чуждъ общій всѣмъ начальствующимъ гнѣвный жаръ.

Что касается судебнаго слѣдователя, то мнѣ только передавали, насколько громогласно и мастерски онъ можетъ распушить и разнести, когда это требуется. Но я самъ никогда не присутствовалъ при подобныхъ сценахъ.

О строгости и гнѣвливости его помощника сужу не только по личному опыту, но и по тому,

что даже на женщинъ, чему я былъ свидѣтелемъ, онъ кричалъ (выражаясь по-хохлацки) «якъ несамовытый», т.-е., выходя изъ самого себя.

Съ чиновниками другихъ канцелярій, находящихся въ судѣ, мнѣ не пришлось входить въ близкое соприкосновеніе, а потому говорить о нихъ ничего не буду.

Это о судейскомъ начальствѣ.

Въ составъ начальства второй группы, или тюремнаго, поскольку оно вѣдало въ мое время башней и ея узниками, входили, перечисляя по порядку старшинства, слѣдующія лица: маіоръ, штабсъ-профосъ, профосъ, два старшихъ надзирателя, ефрейторъ и караульные, или стража.

Маіоръ съ своею отрывистою рѣчью и короткими, порывистыми движеніями производилъ ужъ однимъ своимъ внѣшнимъ видомъ впечатлѣніе воплощенной строгости. Грозенъ онъ былъ не только для заключенныхъ, но и для чиновъ подчиненнаго ему начальства. О томъ, насколько великъ у всѣхъ былъ страхъ предъ нимъ, насколько его боялись, можно ужъ было судить по тому обстоятельству, какъ при его появленіи всѣ прижимались къ стѣнкѣ и тамъ окаменѣвали. Если кто изъ узниковъ, долго не получая

удовлетворенія своего законнаго требованія, вдругъ заявлялъ, что онъ хотѣлъ бы повидаться съ маіоромъ, то не только сразу же исполнялось его требованіе, но иногда удовлетворялись и капризы.

По части вспыльчивости и строгости врядъ ли многимъ уступалъ маіору штабсъ-профосъ. Изъ устъ его скверныя слова, какъ изъ рога изобилія, такъ и сыпались и направо и налѣво, и на цѣлую толпу и на отдѣльныхъ лицъ. Давалъ онъ волю не только языку, но, къ сожалѣнію, и своимъ рукамъ. Интересно было его видѣть, когда онъ, однажды, въ караулкѣ толкнулъ въ грудь стоявшаго ему на дорогѣ стражника.

— Ахъ, pardon! я нечаянно,—обратился онъ къ нему и началъ шутовски предъ нимъ расшаркиваться.

Коли глядь: въ двухъ шагахъ маіоръ. Боже, что съ нимъ тогда сталось!

— Простите! больше не буду,—извинился онъ предъ маіоромъ уже серьезно.

И послѣ того нѣкоторое время былъ въ отношеніяхъ къ заключеннымъ совершенно не узнаваемъ.

Слѣдующій чинъ—профосъ, человѣкъ невысокаго роста, широкоплечій, издали моложавый,

въ дѣйствительности же имѣвшій все лицо въ морщинахъ. Насколько мнѣ извѣстно, рукоприкладства онъ не учинялъ, однако, былъ необыкновенно крикливъ и жестокъ: любилъ грозить всѣмъ наказаніями, а еще больше—приводить свои угрозы въ исполненіе.

Изъ двухъ старшихъ одинъ былъ бѣлобрысый и толстый. Раньше онъ гдѣ-то пѣлъ въ хорѣ и потому, вѣроятно, при отправленіи нынѣшней своей службы любилъ, какъ и профосъ, показывать свой громкій голосъ, охотно прибѣгая въ то же время къ слову «багаже».

Другой старшій былъ исключеніемъ изъ общаго правила. Голосъ у него былъ слабый и характеръ мягкій. (Между прочимъ, этотъ старшій переводилъ меня изъ одиночной камеры въ общую). Родомъ онъ былъ славянинъ изъ Чехіи или Моравіи. Благодаря своей кротости и разсудительности, былъ общимъ любимцемъ.

Слѣдующій чинъ—ефрейторъ—тоже славянинъ, хотя по виду больше смахивалъ на цыгана или еврея. Имѣлъ онъ грубый и довольно вспыльчивый нравъ и, глядя на старшихъ, въ свою очередь усердно покрикивалъ на заключенныхъ.

Что касается, наконецъ, караульныхъ, то,

за рѣдкими исключеніями, они держали себя въ отношеніяхъ къ узникамъ всегда рѣзко и грубо и, случалось, по мелкимъ какимъ-нибудь поводамъ стучали къ нимъ въ двери прикладами до того яростно, что даже высшее начальство вынуждено бывало ихъ обуздывать и указывать имъ предѣлы ихъ правъ и обязанностей.

Таковы начальствующія лица, вѣдавшія башней.

Въ другихъ частяхъ замка, кромѣ маіора и караульныхъ, были особые начальники; но съ ними не суждено мнѣ было познакомиться покороче. Общее же впечатлѣніе отъ нихъ было то, что по своему уму и чувствамъ они стояли нѣсколько ниже начальства башеннаго.

Кромѣ гнѣва и крика, бывшаго, по крайней мѣрѣ, въ башнѣ постояннымъ явленіемъ, судейское и тюремное начальство пользовалось еще и другими способами воздѣйствія на заключенныхъ, стараясь поддерживать между ними страхъ, порядокъ и повиновеніе. Къ такимъ способамъ относились: во-1-хъ, голодъ, или лишеніе пищи (Fasten); во-2-хъ, помѣщеніе въ темную комнату (Dunkelhaft); въ 3-хъ, помѣщеніе въ исправительную комнату, или карцеръ съ сѣтчатыми перегородками (Corrections-

Zimmer), и въ 4-хъ, наконецъ, кандалы (Spangen). Примѣнялись эти способы щедро и безъ всякихъ стѣсненій.

Хотя кандаловъ я и не видѣлъ собственными глазами, но о существованіи ихъ заключаю изъ того, какъ, однажды, въ моемъ присутствіи штабсъ-профосу докладывали, что какой-то узникъ въ своей камерѣ все пытается выкрутиться изъ кандаловъ.

— Не выкрутится!—сказалъ тотъ съ увѣренностью:—пусть себѣ старается, сколько ему угодно!

А то въ другой разъ слышалъ я, какъ штабсъ-профосъ въ моемъ этажѣ грозилъ старому, разбитому на ноги австрійскому солдату-сербу, когда засталъ его днемъ на кровати:

— Постой, постой! надѣну кандалы да примкну тебя къ стѣнѣ, тогда ты у меня полежишь!

Постящихся же узниковъ или узниковъ, выходившихъ, по отбываніи наказанія, изъ темнаго карцера, причемъ они долго терли себѣ глаза, а также ведомыхъ въ исправительную комнату видѣлъ не разъ.

Вотъ и все наиболѣе существенное, что можно сказать о начальствѣ.

IX.

Заключенные.

Въ то время, какъ начальство было всегда сердито, непривѣтливо и угрюмо, заключенные, наоборотъ,—по крайней мѣрѣ, при встрѣчахъ съ начальствомъ и другъ съ другомъ,—всегда имѣли видъ довольный, веселый и чуть ли даже не счастливый.

Чтобы составить себѣ сколько-нибудь отчетливое представленіе объ этой толпѣ лишенныхъ свободы людей, которыхъ въ башнѣ сидѣло всегда человѣкъ около 50, а въ остальныхъ частяхъ замка—до 1000,—присмотримся къ нѣкоторымъ отдѣльнымъ лицамъ изъ этой толпы и для удобства раздѣлимъ ее—соотвѣтственно характеру преступленій—на три части, или на три группы. Въ первой группѣ у насъ будутъ обвинявшіеся въ преступленіяхъ характера уголовнаго, во второй—военнаго и въ третьей—политическаго.

Изъ узниковъ первой группы, т.-е., уголовныхъ, позволю себѣ представить вамъ двухъ субъектовъ: Микулку и Ружичку. Оба они убійцы, оба военные, оба молодые. Что касается

Микулки, то онъ обвинялся въ убійствѣ старухи и не только предумышленномъ, но и коварномъ и всего изъ-за 30 геллеровъ (т.-е., 12 коп.), причемъ онъ совершилъ и еще какое-то гнусное злодѣяніе. По совокупности онъ былъ приговоренъ судомъ къ 19 годамъ тюрьмы, въ то время, какъ за простое убійство военные, обыкновенно, получаютъ всего 8 лѣтъ. Когда его изъ башни выводили гулять на тюремный дворъ, то почему-то мнѣ одному дѣлали честь быть его спутникомъ. Впрочемъ, онъ былъ очень вѣжливъ, всегда подавалъ мнѣ руку, всегда былъ необыкновенно веселъ и шутливъ: встрѣчнымъ строилъ глазки, улыбался и любилъ наводить со двора въ какую-нибудь камеру своимъ зеркальцемъ солнечнаго зайчика.

Ружичка былъ менѣе игривъ, чѣмъ Микулка, но также нисколько не грустилъ. Онъ былъ раньше деньщикомъ одного кавалерійскаго офицера и эксплоатировалъ одновременно двухъ женщинъ. У одной изъ нихъ онъ бралъ деньги и прокучивалъ съ другой. Въ концѣ концовъ онъ застрѣлилъ эту другую женщину изъ револьвера въ общественномъ саду среди бѣла дня на глазахъ публики, какъ онъ увѣрялъ, изъ ревности. Револьверъ же нарочно для этого зара-

нѣе былъ имъ купленъ на деньги, вырученныя отъ продажи уворованныхъ имъ у офицера запонокъ. За эти свои подвиги получилъ онъ 9½ лѣтъ и даже, говорятъ, былъ бы судомъ оправданъ, если бы только не замѣшались въ дѣло запонки.

Другіе убійцы, а также болѣе мелкіе преступники — фальшивомонетчики, воры, мошенники, конокрады и т. п. типы, принадлежавшіе къ первой группѣ, не заслуживаютъ ужъ, сравнительно съ этими двумя героями, нашего особеннаго вниманія.

Изъ лицъ второй категоріи, т.-е., обвинявшихся въ преступленіяхъ характера военнаго, для меня лично наиболѣе выдающимися были русскіе офицеры, время отъ времени попадавшіе въ замокъ. Двухъ изъ нихъ, во время своей и ихъ прогулки, видѣлъ я довольно близко: оба молодые, стройные, живые.

Затѣмъ слѣдуютъ наши казаки, содержавшіеся въ подвальныхъ помѣщеніяхъ замка. Ихъ, правда, я не видѣлъ; слышалъ только, какъ о нихъ разсказывалъ одинъ нашъ стражъ, которому они показались почему-то ужасными.

Содержался въ замкѣ также австрійскій генералъ-чехъ и нѣсколько австрійскихъ офице-

ровъ. Нижніе чины-австрійцы изъ этой группы были почти поголовно славяне. Извѣстно было, что многіе изъ нихъ нарочно совершали какіе-нибудь проступки, большей частью неважные, лишь бы быть преданными суду и не быть на войнѣ. Одинъ, напримѣръ, падаетъ въ строю на землю и не хочетъ идти дальше; другой— на вопросъ офицера, почему не почищены ботинки, грубо заявляетъ, что ботинки не казенные, а его собственные, и онъ ихъ всегда чиститъ въ полдень, и т. п. Самыми непріятными въ замкѣ днями для этихъ узниковъ были табельные, высокоторжественные дни: въ это время обыкновенно выходило имъ помилованіе. Трудно представить себѣ людей болѣе несчастныхъ, чѣмъ эти помилованные!

Въ эту же группу, думаю, нужно зачислить и находившагося нѣкоторое время въ замкѣ четырнадцатилѣтняго мальчика изъ Галиціи— еврея. Преступленіе его было въ томъ, что онъ, полощась въ ручьѣ, протекающемъ возлѣ его села, указалъ подошедшему русскому солдату, гдѣ скрывается австрійскій отрядъ. Присудили его къ четырнадцати годамъ тюремнаго заключенія.

Въ третьей, наконецъ, группѣ,—политиче-

ской, находимъ мы также, главнымъ образомъ, славянъ и именно: русскихъ, червоноруссовъ, чеховъ, хорватовъ и т. д.

Изъ русскихъ мнѣ болѣе или менѣе извѣстны десять лицъ.

1). Прежде всего Д. Г. Янчевецкій, кавалеръ двухъ Георгіевскихъ орденовъ, авторъ книги «У стѣнъ недвижнаго Китая» и сотрудникъ «Новаго Времени», а въ послѣдніе годы—вѣнскій корреспондентъ этой газеты. Арестованъ онъ былъ еще до отъѣзда изъ Вѣны нашего Посла, который, несмотря на всѣ свои хлопоты, не могъ добиться освобожденія его изъ-подъ ареста. Первоначально, какъ и всѣ политическіе, обвинялся онъ въ шпіонствѣ, а затѣмъ судъ, разсмотрѣвши его обширную переписку и статьи въ «Новомъ Времени», предъявилъ къ нему обвиненіе въ государственной измѣнѣ. Въ башнѣ первыя недѣли чувствовалъ онъ себя, по его собственнымъ словамъ, превосходно; но потомъ и ему стало невтерпежъ постоянное пребываніе въ крошечной каморкѣ. Судя по полученнымъ мною отъ него контрабанднымъ записочкамъ, Австрія передъ Рождественскими праздниками въ обмѣнъ за него попросила у Россіи возвратить ей трехъ офицеровъ, отправленныхъ еще

до войны въ наше отечество для изученія русскаго языка; русскія же власти отвѣтили, что согласны дать за него одну австрійскую даму. Торгъ затянулся, и въ то время, какъ я могъ уже оставить башню, Дмитрій Григорьевичъ долженъ былъ подыскивать себѣ защитника въ виду скораго начала судебнаго процесса.

2). Далѣе—Мѣшковъ, уроженецъ Витебской губерніи, по службѣ же—учитель рисованія въ Миргородскомъ художественно - ремесленномъ училищѣ имени Гоголя. О немъ знаю слѣдующее. Будучи командированъ прошлымъ лѣтомъ заграницу для ознакомленія съ постановкой тамъ преподаванія живописи по фарфору и прибывъ съ этой цѣлію въ Австрію, онъ здѣсь, именно, въ Краковѣ, былъ арестованъ въ самомъ же началѣ войны. По дорогѣ изъ провинціальной тюрьмы на вокзалъ подвергся нападенію призывныхъ, избившихъ его и искалѣчившихъ ему кисть лѣвой руки. Въ Вѣнѣ провелъ онъ нѣсколько недѣль въ башнѣ, затѣмъ былъ переведенъ въ одну изъ общихъ камеръ, гдѣ къ немалому своему удовольствію встрѣтилъ двухъ соотечественниковъ.

3) и 4). Оба эти сожителя Мѣшкова мнѣ по фамиліи, къ сожалѣнію, неизвѣстны. Одинъ изъ

нихъ, перекинувшійся со мною нѣсколькими словами,—черноволосый, высокаго роста и похожъ на студента. О другомъ же, тоже черноволосомъ, но невысокомъ и немолодомъ уже, знаю только, что онъ былъ арестованъ въ Австріи какъ разъ въ то время, когда обозрѣвалъ какую-то выставку.

5). Неизвѣстенъ мнѣ также по фамиліи и еще одинъ русскій, посаженный въ башню во второй половинѣ ноября. Онъ темнорусъ, худощавъ, выше средняго роста и, повидимому, человѣкъ интеллигентный; возможно также, что принадлежитъ къ купеческому сословію. Онъ успѣлъ мнѣ какъ-то сказать, что прибылъ въ Вѣну изъ Варшавы и чрезъ полтора дня послѣ того былъ арестованъ.

6), 7) и 8). Въ башнѣ же, въ одиночныхъ камерахъ сидѣло трое русскихъ крестьянъ—Юліанъ Жолкевскій, Павелъ Дюра и братъ его Петръ Дюра. Захвачены они были австрійцами въ родномъ ихъ городѣ Томашовѣ Люблинской губерніи, по оговору одного злобствовавшаго на нихъ земляка. Всѣ трое православные и семейные. Первоначально ихъ помѣстили австрійцы въ Грацѣ, въ русскомъ концентраціонномъ пунктѣ, гдѣ, по словамъ Жолкевскаго, «что ни утро, то

и покойникъ». Затѣмъ ихъ перевели въ Вѣну и заключили здѣсь въ башню. Между прочимъ, Петръ Дюра, благодаря своей бойкости, попалъ здѣсь скоро въ составъ служителей.

9) и 10). Наконецъ, между узниками видѣлъ я и нашего соотечественника, извѣстнаго піаниста Павла Любимовича Кона, профессора Вѣнской Музыкальной Академіи. Въ замкѣ находилась и его жена. Впрочемъ, черезъ двѣ-три недѣли послѣ своего поступленія они были выпущены на свободу, благодаря, конечно, тому обстоятельству, что, кромѣ русскаго подданства, пріобрѣли въ свое время, какъ говорятъ, еще и австрійское.

Это вотъ русскіе изъ политической группы.

Червоноруссовъ, о которыхъ я могъ бы что-нибудь сказать, было также десять. Всѣ они сидѣли въ башнѣ и всѣ обвинялись въ государственной измѣнѣ.

1) и 2). Прежде всего два члена Австрійскаго Парламента: сосѣдъ мой Марковъ и мировой судья Куриловичъ.

Что сообщить о Марковѣ? На первыхъ порахъ, пока разговоры узниковъ въ башнѣ не были еще окончательно прекращены, онъ нерѣдко съ горькой усмѣшкой предсказывалъ о себѣ:

— Вотъ увидите!—скоро у галичанъ однимъ святымъ станетъ больше: прибавится еще мученикъ Димитрій.

Въ послѣднее время видъ у Дмитрія Андреевича былъ довольно мрачный. Въ теченіе шести недѣль онъ какъ-то не спалъ и послѣ того на-ночь принималъ морфій, полученный имъ отъ доктора. Если мнѣ удавалось спросить его, какъ онъ себя чувствуетъ, онъ въ отвѣтъ начиналъ вертѣть пальцемъ по лбу...

Куриловичъ былъ лишенъ свободы мѣсяца три-четыре спустя послѣ Маркова. Его, какъ и Маркова, часто водили въ камеру судебнаго слѣдователя. Одинъ разъ и я слышалъ, какъ онъ что-то тамъ объяснялъ на счетъ газеты «Прикарпатская Русь».

3), 4), 5) и 6). Далѣе слѣдуютъ адвокаты—Буликъ, Драгомирецкій и Чиринчакевичъ; послѣдній съ своимъ младшимъ братомъ, не знаю, кто онъ по профессіи.

Семенъ Степановичъ Буликъ находился почему-то въ особой немилости у начальства. Предъ камерой его то и дѣло гремѣлъ крикъ; а одинъ разъ заданъ былъ ему концертъ одновременно въ три голоса—штабсъ-профосомъ, профосомъ и старшимъ надзирателемъ и до того громкій,

что, если бы онъ послѣ того оглохъ, не было бы ни для кого удивительно. Въ ноябрѣ Семенъ Степановичъ былъ переведенъ изъ башни въ «общее заключеніе», а когда недѣль черезъ шесть его снова вернули въ башню, то на другой же день попалъ онъ въ исправительную комнату, гдѣ просидѣлъ около двухъ недѣль.

О Драгомирецкомъ только знаю, что при обыскѣ у него былъ найденъ какой-то именной списокъ, предназначавшійся будто бы для передачи нашему главному штабу.

Братьевъ Чиринчакевичей видѣлъ я въ камерѣ слѣдователя, куда они явились для свиданія съ своимъ защитникомъ. Дня черезъ два, черезъ три послѣ этого свиданія младшій Чиринчакевичъ сидѣлъ ужъ въ исправительной комнатѣ, такъ какъ пытался передать защитнику какую-то контрабанду.

7), 8), 9) и 10). Наконецъ, четыре галицкихъ крестьянина. Все это были, повидимому, люди зажиточные. На слѣдствіи у нихъ только спрашивали, дѣйствительно ли они принадлежатъ къ старорусской партіи и кто побудилъ ихъ примкнуть къ ней.

Это вотъ о червоноруссахъ.

Изъ чеховъ можно упомянуть о переводчикѣ

сочиненій А. П. Чехова Долежалѣ, котораго я видѣлъ какъ разъ въ то время, какъ онъ переносилъ хлѣбы черезъ тюремный дворъ въ какое-то помѣщеніе, а затѣмъ можно упомянуть еще о чешской учащейся молодежи. Доставлена она была въ замокъ въ большомъ изобиліи, якобы за чтеніе русскихъ прокламацій, причемъ часть ея была привезена почему-то въ цѣпяхъ и въ кандалахъ. Въ замкѣ молодежь эта отличалась усерднымъ исполненіемъ задаваемыхъ работъ: быстро клеила бумажные мѣшечки для вѣнскихъ магазиновъ и растирала газетную бумагу на теплыя одѣяла для войскъ. Отъ послѣдней работы, нужно замѣтить, сразу же распухали и разбаливались руки.

Наконецъ, изъ хорватовъ назову только симпатичнаго молодого человѣка Гинино; онъ успѣлъ мнѣ разъ сообщить шопотомъ, что онъ изъ Далмаціи и обвиняется въ государственной измѣнѣ.

Таковы представители трехъ отдѣльныхъ группъ заключенныхъ,—уголовной группы, военной и политической, изъ коихъ каждая, конечно, содержала въ себѣ сотни еще другихъ лицъ, а средняя группа, военная, въ виду ея чрезвычайной текучести, содержала, по крайней мѣрѣ, за время моего шестимѣсячнаго пребыванія въ

башнѣ, даже не сотни, а, вѣроятно, тысячи лицъ.

Вотъ и всѣ сколько-нибудь примѣчательныя свѣдѣнія, какія я могу сообщить о заключенныхъ.

X.

Мое самочувствіе; самоубійства.

Попытаюсь теперь передать кое-что изъ моихъ внутреннихъ, душевныхъ переживаній за время моего плѣна.

Если башня, гдѣ я сидѣлъ, получила когда-то въ народѣ названіе «Чортовой»,—что нѣсколько напоминаетъ объ адѣ и его мукахъ,—то это, конечно, не столько изъ-за испытываемыхъ въ ней узниками тѣлесныхъ мученій (отъ дурного, напримѣръ, въ ней воздуха, отъ холода, отъ укусовъ всякихъ насѣкомыхъ; отъ ранъ на ушахъ, которыя изъязвлялись на твердыхъ, какъ камень, подушкахъ; отъ появлявшихся почему-то у всѣхъ узниковъ болей въ плечахъ, и т. п.), не столько потому, сколько это, думаю, изъ-за душевныхъ страданій, которыя постигаютъ ввергаемыхъ въ эту башню узниковъ.

Главными источниками этихъ страданій, на-

сколько я могу судить, по крайней мѣрѣ, по личному опыту, являются: во-1-хъ, лишеніе свободы и, во-2-хъ, страхъ смерти.

Остановимся нѣсколько на первомъ изъ этихъ источниковъ.

Когда увидишь себя запертымъ какъ-бы въ небольшомъ чуланчикѣ, приспособленномъ для житья, и сознаешь, что отсюда никуда по собственному желанію не можешь выйти, то почувствуешь себя такимъ сдавленнымъ, такимъ сжатымъ со всѣхъ сторонъ, такъ для тебя покажется все тѣсно, что это тяжелое чувство даже представить себѣ трудно.

Субъективное ощущеніе, не покидавшее меня во все время, пока я находился въ неволѣ, было такого рода, будто внутри, вдоль груди моей протянутъ былъ канатъ и отъ него никакъ нельзя было оторваться, всегда къ нему былъ прикрѣпленъ.

Какимъ высокимъ неоцѣненнымъ благомъ рисовалась тогда свобода! Какъ вообразишь себя, бывало, что вотъ лежишь гдѣ-нибудь на зеленой лужайкѣ, за селомъ, а сбоку на тебя будто свѣтитъ солнце, то большаго ужъ, кажется, для тебя счастья и не нужно.

Свободы, освобожденія изъ затвора ждалъ

постоянно. И чего только ни принималъ за признакъ приближающейся уже свободы?! и особенный взглядъ случайнаго посѣтителя, и загадочные слова профоса, и неожиданное появленіе бѣлаго голубя на окнѣ и много другихъ подобныхъ пустяковъ и мелочей.

Мысли о свободѣ роились въ головѣ не только каждый день, но чуть ли не каждый часъ. Сначала не обращалъ на это вниманія; а потомъ, когда замѣтилъ, то даже испугался:

— Что же это—все объ одномъ да объ одномъ? Это уже вѣдь какая-то idée fixe!

И вотъ, чтобы ослабить напряженное ожиданіе свободы и парализовать упорную мысль о ней, началъ даже прибѣгать къ особымъ, можно сказать, дѣтскимъ пріемамъ. Я говорилъ себѣ:

— Не жди теперь свободы! она придетъ тогда, когда вотъ это испорченное мѣсто на ногтѣ совсѣмъ подымется и будетъ срѣзано.

А потомъ, когда ноготь бывалъ уже исправенъ:—Нѣтъ, тогда, когда выйдетъ у тебя вся коробочка соли. Или:

— Нѣтъ, когда смылится весь кусокъ мыла.

И, дѣйствительно, ожиданіе свободы за все это время бывало болѣе спокойнымъ, хотя мысль о ней гдѣ-то подъ спудомъ, въ какихъ-то тай-

никахъ и продолжала шевелиться. Ближайшая цѣль, такимъ образомъ, нѣсколько достигалась.

Менѣе упорными и постоянными, хотя болѣе острыми и жгучими были душевныя страданія, проистекавшія изъ второго источника:— ожиданія угрожавшей смерти.

Съ жизнью жалко было разставаться больше всего потому, что не хотѣлось причинять страданій роднымъ: матери, сестрѣ, а также и вслѣдствіе сознанія, что остаешься предъ отечествомъ въ долгу, не принесъ ему никакой, сколько-нибудь осязательной пользы.

Личный, эгоистическій страхъ смерти поборался мною первыми попавшимися подъ руку средствами. Думалъ я, напримѣръ, о томъ, что ужъ вступилъ въ такой возрастъ, когда у человѣка начинается постепенное умираніе, постепенное разрушеніе духовнаго и тѣлеснаго организма, болѣзни, увяданіе. Думалъ и о своихъ двухъ братьяхъ, которые ужъ на томъ свѣтѣ, а также и объ умершихъ товарищахъ по ученію. Думалъ, конечно, и о множествѣ соотечественниковъ, гибнущихъ ежедневно на полѣ брани.

— Чего-жъ,—упрекалъ себя,—тебѣ-то упираться?

Навѣдалась тутъ въ сознаніе и одна обще-

извѣстная отвлеченная мысль, а именно—«все сложное должно разрушиться, разложиться».

— Значитъ,—говорилъ я себѣ,—это участь не только твоего тѣла, но и всѣхъ планетъ и солнцъ, и всѣхъ громаднѣйшихъ небесныхъ міровъ. Если бы, допустимъ, взглянуть на нынѣшнюю вселенную черезъ какіе-нибудь милліарды лѣтъ, вѣдь слѣда отъ нея не осталось бы: все въ свое время разлетится и разсыплется!

Благодаря этимъ мыслямъ, найдя себѣ товарищей по участи и на землѣ и на небѣ, я подготовилъ себя достаточно къ тому, чтобы безтрепетно взглянуть въ слѣпое, безглазое лицо шедшаго мнѣ навстрѣчу врага, замахивающагося косою на все, что ни есть на свѣтѣ.

Впрочемъ, бодрящія мысли не были у меня почему-то особенно долговѣчны: онѣ какъ-то быстро блѣднѣли, таяли и тускнѣли, и когда снова въ душу закрадывался страхъ, ихъ приходилось опять подновлять и освѣжать. Было похоже, что стоишь на зыбкомъ пескѣ, въ который ноги постоянно погружаются; и вотъ нужно ихъ вытягивать и снова становиться на его поверхность.

Неволя и близость смерти,—эти двѣ объединившихся большихъ бѣды,—внезапно постигши

меня, подѣйствовали на меня до того потрясающе, что я самымъ серьезнымъ образомъ задавалъ себѣ не разъ глупый вопросъ:

— Да я ли это? Не другой ли это кто?

Рѣдкіе въ жизни души человѣческой случаи «раздвоенія личности» мнѣ стали послѣ того довольно ясными.

Кромѣ двухъ главныхъ, указанныхъ уже причинъ душевныхъ страданій, было немало еще и второстепенныхъ причинъ, менѣе сильныхъ; таковы, напримѣръ: стыдъ, униженіе, состраданіе къ несчастьямъ другихъ и т. п.

И вотъ, подъ вліяніемъ главныхъ причинъ и при содѣйствіи второстепенныхъ, душа моя стала съ теченіемъ времени до того истерзана, до того изранена, что ей, можно сказать, самой себя было жалко.

Одинъ мой пріятель когда-то разсказывалъ, что въ Персіи видѣлъ лошадь, кричавшую отъ боли: на спинѣ у этой лошади не было кожи, и, когда клали ей на спину сѣдло, раздавался ея ужасный крикъ.

Вотъ на эту персидскую лошадь или, если хотите, на ея спину походила моя душа послѣ нѣсколькихъ недѣль пребыванія моего въ башнѣ. Наружная ея кожица была съ нея содрана; она

лишилась верхняго своего покрова и превратилась въ сплошную рану. Всякое ощущеніе, малѣйшее прикосновеніе къ ней причиняло ей нестерпимую боль. Я съ удивленіемъ сталъ, напримѣръ, замѣчать, что разговоръ со мною лицъ, даже расположенныхъ ко мнѣ, непріятенъ мнѣ: мнѣ трудно было вникать въ то, что мнѣ говорятъ, и тяжело обдумывать свои отвѣты. Хотѣлось попросить:

— Не троньте меня! мнѣ отъ всего больно. Оставьте меня въ покоѣ!

На столѣ моемъ оказалась какъ-то картинка изъ старой газеты съ изображеніемъ кричащаго гуся и торговки, которая держитъ его за крылья, т.-е., неправильно. Я не могъ глядѣть отъ внутренней боли на эту картинку и долженъ былъ ее закрывать. А заглядываніе ко мнѣ часового черезъ глазокъ въ дверяхъ... Боже, какъ оно раздражало меня!

Были и еще явленія, связанныя, какъ сказалъ бы кто, съ нервной моей развинченностью.

Именно, въ сочетаніяхъ самыхъ обыденныхъ предметовъ, находившихся въ камерѣ,—въ положеніи, напримѣръ, подушки и одѣяла, въ клочкѣ скомканной бумаги,—чрезвычайно легко

усматривалось что-нибудь страшное: покойникъ со сложенными на груди руками; лицо злой старухи; сердитый криворотый крестьянинъ, блѣдный, какъ березовая кора; темносиняя морда обезьяны, и т. п.

А то также ляжешь, бывало, вечеромъ спать, закроешь глаза, и вдругъ представляются чудовищныя фигуры въ родѣ карикатуръ или масокъ, только огромныя и подвижныя, переходящія одна въ другую. И такъ это отчетливо, какъ будто наяву! Въ этомъ случаѣ повторилось почему-то то, что происходило только въ дѣтствѣ.

Или вотъ еще: встрѣтишь въ книгѣ одно слово, а думаешь о другомъ, непріятномъ; читаешь, напримѣръ, «Hochparterre», а мысль переносится къ «Hochverrath»,—отъ названія этажа къ названію преступленія—«государственной измѣнѣ». Благодаря такимъ скачкáмъ, самое чтеніе было такъ мучительно, какъ будто идешь по болоту и все ступаешь на колючія кочки.

О неважномъ, ненадлежащемъ состояніи души свидѣтельствовали и нѣкоторые внѣшніе признаки, нѣкоторыя особенности, наблюдавшіяся въ состояніи тѣла, а именно: частые вздохи, быстрое біеніе пульса (пульсъ опредѣлялся мною по бою часовъ бывшей по сосѣдству церкви,

причемъ, конечно, приходилось считать его удары въ теченіе цѣлыхъ 15 минутъ); затѣмъ, подергиваніе плечъ, конвульсіи въ щекѣ, дрожаніе рукъ, изъ которыхъ все валилось, а во время умыванья выливалась вода, такъ какъ большой палецъ неудержимо отскакивалъ отъ ладони, и т. п.

Когда мною овладѣвали мрачныя мысли, когда тоска давила мою душу, и я внутренно изнемогалъ, то, чтобы помочь себѣ, прибѣгалъ, обыкновенно, къ такимъ мѣрамъ: или—подбадривалъ самъ себя:

— Ничего, дескать, выдержу!

Или вспоминалъ:

— Да вѣдь это же по моей волѣ! Я самъ всего этого захотѣлъ!

И напоминаніе это самому себѣ тоже мнѣ очень помогало.

Или, наконецъ, прочитывалъ дивную, умилительную, коротенькую молитву Ефрема Сирина: «Господи и Владыко живота моего», причемъ на нѣкоторыхъ словахъ дѣлалъ особое удареніе.

«Духа унынія не даждь ми».

— Именно унынія, унынія не нужно!

«Духъ терпѣнія даруй ми, рабу Твоему».

— Да, нужно быть терпѣливымъ, выносливымъ!

«Даждь ми не осуждати брата моего».

— Кого же это не осуждать? Конечно, начальниковъ! Вѣдь они же не по своей волѣ такъ ведутъ себя: имъ это приказано.

И никто, думаю, не удивится, если сказать, что это послѣднее средство въ ряду другихъ было въ такихъ случаяхъ особенно дѣйствительнымъ.

Вотъ и все наиболѣе выдающееся изъ круга моихъ внутреннихъ переживаній.

Такъ какъ нѣчто подобное испытывали, несомнѣнно, и другіе заключенные, находясь въ одинаковыхъ со мною условіяхъ, то теперь читатели имѣютъ возможность нѣсколько проникнуть и во внутреннее состояніе узниковъ, состояніе, какъ видите, не очень завидное, скрывавшееся у всѣхъ подъ притворно-веселымъ выраженіемъ ихъ лицъ.

Само собою разумѣется, что такое тяжелое настроеніе духа, въ какомъ находился я, испытывали не всѣ узники. Несомнѣнно, однако, что иные изъ нихъ находились въ настроеніи еще болѣе удрученномъ и мрачномъ. Объ этомъ можно судить, кромѣ случаевъ потери нѣкоторыми изъ нихъ разсудка, еще и по тому обстоя-

тельству, что иные узники посягали на собственную жизнь. Такъ, въ башнѣ въ самое последнее время, несмотря на неусыпную бдительность стражи, оказалось два висѣльника. Правда, одного изъ нихъ удалось вынуть изъ петли и возвратить къ жизни; но съ другимъ ничего ужъ не могли подѣлать, и осталось только предать тѣло его землѣ. Воображаю, что происходило въ душѣ этихъ двухъ моихъ товарищей по заключенію, разъ они рѣшились на такое отчаянное дѣло!

XI.

Выводы.

Изъ всего доселѣ сказаннаго читатель ознакомился съ обстановкой, среди которой живутъ узники, ознакомился и съ самими узниками и, наконецъ, ему нѣсколько просвѣчиваетъ и внутреннее душевное ихъ состоянiе.

Теперь остается изъ сказаннаго сдѣлать одинъ—два вывода.

Прежде всего рѣшимъ тутъ вопросъ: какъ же австрiйскiя власти относились, вообще, къ узникамъ—хорошо, дурно или какъ?

Мнѣ по поводу этихъ отношенiй приходитъ

на мысль старая индійская сказка о Журавлѣ, переносившемъ на спинѣ Рака изъ одного пруда въ другой, болѣе глубокій, причемъ Ракъ держался своею клешнею за его шею, такъ какъ увѣрялъ, что клешня у него удивительно мягкая и нѣжная; въ дорогѣ же онъ сжималъ шею Журавля съ такою силою, какъ кузнецъ клещами, такъ что у того, несчастнаго, глаза лѣзли наружу.

Соображая то, какъ представители австрійскихъ властей сперва говорили мнѣ, да и другимъ узникамъ: «не безпокойтесь! все будетъ хорошо, прекрасно», а потомъ ставили насъ въ такое положеніе, что едва хватало силъ выносить его, я невольно вспоминаю объ этомъ сказочномъ воздушномъ наѣздникѣ съ его якобы мягкой клешней.

Мы, узники, встрѣтили, собственно говоря, обращеніе съ нами, не показавшееся большинству изъ насъ неожиданнымъ: такое обращеніе въ Австріи является самымъ обычнымъ и широко распространеннымъ. Оно примѣняется тамъ и въ общественной жизни и въ государственной, и къ отдѣльнымъ лицамъ и къ цѣлымъ народамъ. Это—то обращеніе, которое хорошо опре-

дѣляется русской пословицей: «мягко стелетъ, да жестко спать».

Таковъ пусть будетъ первый выводъ, выводъ характера отвлеченнаго.

Если бы кто изъ читателей пожелалъ сдѣлать для себя еще и практическій выводъ, то выводъ этотъ могъ бы быть, между прочимъ, слѣдующій: содѣйствовать скорѣйшему освобожденію изъ Вѣнской военной тюрьмы нашихъ соотечественниковъ, или же,—чтó ужъ почти всѣмъ доступно,—помочь имъ, а также нѣкоторымъ изъ находящихся тамъ нашихъ друзей-славянъ, по крайней мѣрѣ, матеріально, чтобы дать имъ возможность, напримѣръ, покупать себѣ бѣлый хлѣбъ, молоко и т. п. пищу и такимъ образомъ улучшить свой скудный и нездоровый столъ.

Таковъ можетъ быть выводъ второй—практическій.

Этихъ двухъ выводовъ, надѣюсь, предостаточно.

XII.

Заключеніе.

Въ заключеніе считаю долгомъ извиниться передъ читателемъ, что не могъ здѣсь предло-

жить его вниманію ничего сколько-нибудь яркаго или обстоятельнаго, а все здѣсь было больше неотчетливое, отрывочное, едва намѣченное. Оправданіемъ для меня въ этомъ случаѣ можетъ служить отчасти то, что я былъ вѣдь взаперти, и мнѣ приходилось воспринимать окружающее не какъ свободному наблюдателю, но, въ полномъ смыслѣ слова, только сквозь узенькую щель.

Мнѣ, конечно, совѣстно, что я вынужденъ былъ здѣсь говорить о самомъ себѣ да еще такъ долго. Но это единственный способъ дать понять другимъ возможно ясно, въ какомъ положеніи находится въ настоящее время въ большомъ вражескомъ городѣ горсть нашихъ соотечественниковъ и нашихъ друзей, изъ которыхъ иные, какъ извѣстно, участвовали въ подготовкѣ великихъ событій, развертывающихся теперь предъ нашими глазами. Это вотъ была главная моя цѣль, поставленная предъ собою въ самомъ началѣ, и стремленіе достигнуть ея давало мнѣ силы преодолѣвать присущую и мнѣ, какъ всѣмъ, вообще, русскимъ, неохоту распространяться о своей собственной особѣ.

ИЗДАНІЯ
„БИБЛІОТЕКИ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ".

Грэвсъ:
Тайны Германскаго Военнаго Министерства.
2-ое полное изданіе въ 2-хъ частяхъ. Ц. 1 р.

Гамеліусъ:
ОСАДА ЛЬЕЖА.
Ц. 50 к.

Бельгійская сѣрая книга.
Ц. 40 к.

ИЗЪ-ЗА ЧЕГО МЫ ВОЮЕМЪ.
Составили профессора Оксфордскаго Университета. Ц. 1 р. 25 к.

Вадимъ Бѣловъ:
КРОВЬЮ И ЖЕЛѢЗОМЪ.
Впечатлѣнія офицера-участника. Ц. 1 р.

Лидія Захарова:
ДНЕВНИКЪ СЕСТРЫ МИЛОСЕРДІЯ.
Ц. 1 р.

Проф. Шенвертъ:
Спутникъ Полевого Врача и Сестры Милосердія съ предисловіемъ академика В. М. Бехтерева. Ц. 2 р.

Вадимъ Бѣловъ:
ЕВРЕИ И ПОЛЯКИ НА ВОЙНѢ.
Впечатлѣнія офицера-участника. Ц. 1 р. 25 к.

Германская Бѣлая книга.
Полный переводъ. Ц. 50 к.

Кто хотѣлъ войны?
Составили профессора Парижскаго Университета Дюркгеймъ и Дени. Ц. 60 к.

М. Я.
190 дней въ ЧЕРТОВОЙ БАШНѢ. Ц. 60 к.

П. Арзубьевъ.
Дѣла и Люди Военнаго Времени.
Ц. 1 р. 25 к.

Ц. 60 к.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:
Невскій, 60, кв. 11.

